

Тайна гибели “русского Бонапарта”

Михаил Дмитриевич Скобелев. Фото Сергей Левицкий. 1881 г.

Из коллекции Национальной библиотеки Франции (BNF)

Ранним утром 26 июня 1882 года из парадного входа московской гостиницы “Англия”, что на углу Столешникова и Петровки, выскочила полуодетая заплаканная женщина, как сказали бы сейчас, - “низкой социальной ответственности”. Подбежав к дворнику, подметавшему улицу в этот ранней час, сквозь всхлипы и рыдания она сообщила, что в её номере внезапно скончался какой-то военный. Захватив с собой парикмахера И. А. Андреева, оказавшегося рядом, дворник поднялся в номер. Картина, которую они увидели, навсегда сохранилась в их памяти. На стуле, перед столом, уставленным винами и фруктами, без признаков жизни полулежал не совсем одетый мужчина. На другом стуле висел китель генерал-адъютанта.

“Это же Скобелев!”, - воскликнул Андреев. Тотчас вызвали полицию. Она разогнала уже скопившийся во дворе народ. Явился пристав Замойский и приказал всем очистить номер и

дождаться следователя. Через некоторое время тело Скобелева в закрытой карете было доставлено в гостиницу “Дюссо”, где он остановился, прибыв в Москву из Минска.

Смерть прославленного полководца, героя Плевны и Шипки, буквально потрясла русское общество. Уже через час весть об этом распространилась по всей Москве и возле гостиницы собрались тысячи людей. О трагическом событии в тот же день написали все московские и петербургские газеты. Новость обсуждали повсюду – о ней говорили дома, на улицах, рынках, в кофейнях, чайных и трактирах. Мало кто верил в естественную смерть тридцативосьмилетнего, полного сил генерала, прошедшего ледяные балканские перевалы и знойные туркестанские пустыни. Вот что писал о тех днях Гиляровский: “...Я ездил на охоту, в свой лесной глухой хутор, где я пробыл трое суток, откуда и вернулся в Ильинский погост к Давыду. Встречаю его сына Василия, только что приехавшего. Он служил писарем в Москве в Окружном штабе. Малый разбитой, мой приятель, охотились вместе. Он сразу поражает меня новостью:

- Скобелев умер... Вот, читайте.

Подал мне последнюю газету и рассказал о том, что говорят в столице, что будто Скобелева отравили”.

*Гостиница “Дюссо”, последнее пристанище Скобелева.
Старинная фотография.*

Писатель и журналист Василий Иванович Немирович-Данченко, старший брат известного театрального деятеля и друг Скобелева, вспоминает, что рано утром его разбудил денщик Михаила Дмитриевича и со слезами на глазах сообщил горестную весть. Василий Иванович сразу же отправился в “Дюссо”.

“Большой номер с его золотистыми штофными обоями весь залит солнцем. – пишет Немирович-Данченко. - На кровати Михаил Дмитриевич. Сквозь полуопущенные веки сине-стальные глаза неподвижны. [...] Показался штабс-капитан М. и исчез куда-то. Больше я его ни в эти, ни в следующие дни не видел. Он провел со Скобелевым все это зловещее „вчера“ и роковую ночь на сегодня. Он должен рассказать в чем дело? Как это случилось. Но он растерянно молчит, отводит глаза

от пристальных взглядов, из-под черной щетины густых волос каплет пот, а руки трет, точно им холодно. И всех от него отбрасывает в сторону. Издали всматриваются, а близко не подходит никто”. Позже Марченко дал показания, что ушёл, оставив генерала в гостинице.

В ходе следствия полиция скрупулёзно отследила всё, что делал Скобелёв в последние дни. Михаил Дмитриевич, получив месячный отпуск, 22 июня 1882 года выехал из Минска, где командовал 4-м армейским корпусом, в Москву. Перед отъездом он неожиданно распродал все свои ценные бумаги, золото и драгоценности, получив миллион рублей наличными. Для чего это было сделано, до сих пор неизвестно. С портфелем полным банкнот Скобелев прибыл в Москву в сопровождении штабных офицеров и командира одного из полков барона Розена. Остановившись по обыкновению в гостинице “Дюссо”, он в течение нескольких дней встречался со многими влиятельными людьми, один из которых был известный общественный деятель князь Д. Д. Оболенский. Посетил он и писателя, идеолога славянофильства И. С. Аксакова. Вот, что вспоминает Оболенский: “Генерал был не в духе, не отвечал на вопросы, а если и отвечал, то как-то отрывисто. По всему видно, что он 24 июня пришел к И. С. Аксакову, принес связку каких-то документов и попросил сохранить их, сказав: «Боюсь, что у меня их украдут. С некоторых пор я стал подозрительным». Аксаков также вспомнил что Михаил Дмитриевич был очень взволнован и нервничал. Ещё один странный эпизод отметил в своих мемуарах Оболенский. Удивлённый мрачным настроением гостя он спросил:

- Что с вами? Нездоровится?

- Пропали мои деньги, ответил Скобелев.

– Какие деньги? Бумажник украли?

– Какой бумажник! Миллион... Целый миллион пропал.

– Как? Где?

– Да я сам ничего не знаю, не могу ни до чего добраться... Вообразите себе, что мой управляющий Маслов реализовал по моему приказанию все бумаги, продал золото, хлеб и... сошел с ума на этих днях. Я и не знаю, где теперь деньги. Сам он невменяем, ничего не понимаю. Я несколько раз упорно допрашивал его, где деньги. Он в ответ чуть не лает на меня из-под дивана. Впал в полное сумасшествие... Я не знаю, что делать.

Не правда ли, странное происшествие? Сначала Скобелеву для каких-то надобностей потребовалась крупная сумма денег, затем управляющий сходит с ума, а деньги неизвестно где. Возможно всё это было инсценировано самим Скобелевым. Но с какой целью? В целом же поведение прославленного полководца напоминает поведение заговорщика. Но об этом мы поговорим ниже.

На другой день, 25 июня, Скобелев принимает участие в званом обеде, который устраивал барон Розен. За обедом, по воспоминаниям участников, Михаил Дмитриевич был в прекрасном расположении духа, много шутил и был центром всеобщего внимания. Прямо скажем, странная весёлость для человека потерявшего целое состояние. После обеда, уже под вечер, Скобелев, вместе с штабс-капитаном Марченко, отправился в гостиницу “Англия”. Гостиница славилась дамами нестроного поведения. Одной из них и была та особа, в номере которой нашёл смерть герой России.

Звали её Шарлотта Альтенроз, но иногда она представлялась и Элеонорой, и Вандой, и Розой. А после случившейся трагедии к ней намертво прикрепились прозвища “могила Скобелева”. Впоследствии газеты писали: “Эта кокетка неизвестной национальности, приехавшая вроде бы из Австро-Венгрии и говорившая по-немецки, занимала в нижнем этаже роскошный номер и была известна всей кутящей Москве”. Был ли Скобелев знаком с ней неизвестно, однако именно у неё в номере остался ночевать “белый генерал”.

Тело умершего было отправлено в анатомический театр, где профессором Московского университета И. И. Нейдингом было произведено вскрытие. В заключении говорилось: “Скончался от паралича сердца и легких, воспалением которых он страдал еще так недавно”. Но в официальную версию практически никто не верил. Появились различные слухи и толкования, но все сходились в одном – таинственная смерть героя России неслучайна.

Попробуем рассмотреть все возможные причины этой трагедии.

Версия первая. Самоубийство

Наименее вероятное объяснение, но всё же рассмотрим и его, поскольку слухи о самоубийстве также были распространены достаточно широко, и даже одна из европейских газет, комментируя их, писала, что “...генерал совершил этот акт отчаяния, чтобы избежать угрожавшего ему бесчестия вследствие разоблачений, удостоверяющих его в деятельности нигилистов”. Кого имела в виду газета под нигилистами не знаю, но вряд ли Скобелев был связан с какой-либо организацией. Вполне возможно, у Михаила Дмитриевича всё же были причины для добровольного ухода из жизни.

Отмотаем время на два года назад. После усмирения Хивы и Бухары и покорения Коканда единственным регионом в Центральной Азии, не подвластным России, оставались туркменские степи, врезавшиеся огромным клином между Закаспийским военным отделом и русскими владениями в Туркестане. Все сообщения между Красноводском и Ташкентом приходилось поддерживать через Оренбург, поскольку воинственное племя туркмен - текинцев, обитавших в Ахал-Текинском и Мервском оазисах, и отсутствие сухопутных и водных путей, делали прямую дорогу невозможной. Дважды Россия пыталась решить этот вопрос и дважды терпела неудачу. Походы генерала Ломакина в 1877 году и затем в 1880 году привели к тяжёлым людским потерям и цели не достигли. Смириться с этим поражением Петербург не мог. Более чем определенно об этом высказался военный министр: “Без занятия этой позиции Кавказ и Туркестан будут всегда разъединены, ибо остающийся между ними промежуток уже и теперь является театром английских происков, в будущем же может дать доступ английскому влиянию непосредственно к берегам Каспийского моря. Занятие англичанами Кветты и Кандагара, быстрая постройка ими к этому пункту железной дороги от Инда и стремление их быстро водвориться в Герате ясно означают тот кратчайший путь, на котором должно состояться русско-английское столкновение или примирение”.

Решение о новом походе было принято Александром II 1 марта 1880 г., ровно за год до его трагической гибели. Выбор военачальника, который должен будет возглавить экспедицию в Туркмению, был сделан лично Императором. Им становится 37-летний командир IV армейского корпуса генерал-лейтенант М.Д. Скобелев, который после окончания русско-турецкой войны являлся национальным героем России. Не знающий поражений полководец, покоритель Плевны, Ловчи и Шипки, он вызывал восторженную любовь как русских патриотов, так и освобождённых от турецкого ига балканских народов.

После личной беседы с Императором в Зимнем дворце Михаил Дмитриевич выходит оттуда командующим Ахалтекинской экспедицией. При этом две вещи попросил Скобелев у Императора: полную самостоятельность в действиях и запрет на присутствие в походе журналистов. Обе просьбы были выполнены.

Задачу Скобелев решил блистательно. Ахалтекинская экспедиция 1880—1881 гг. представляет собой первоклассный образец военного искусства. Причём, кампания, вместо отведённых по плану двух лет, была закончена за 9 месяцев. Таким образом было сэкономлено несколько миллионов рублей. Непосредственно перед военными действиями была проведена тщательнейшая подготовка, главными вопросами которой стали логистика и использование самых последних достижений науки. Для экспедиции оперативно заказываются все технические новинки того времени: опреснители воды, рутьеры (паровые тягачи), аэростаты, гелиографы (световой телеграф), пулемёты, ракеты, ручные гранаты, консервы и тому подобное.

Для транспортировки грузов и войск строится Закаспийская железная дорога.

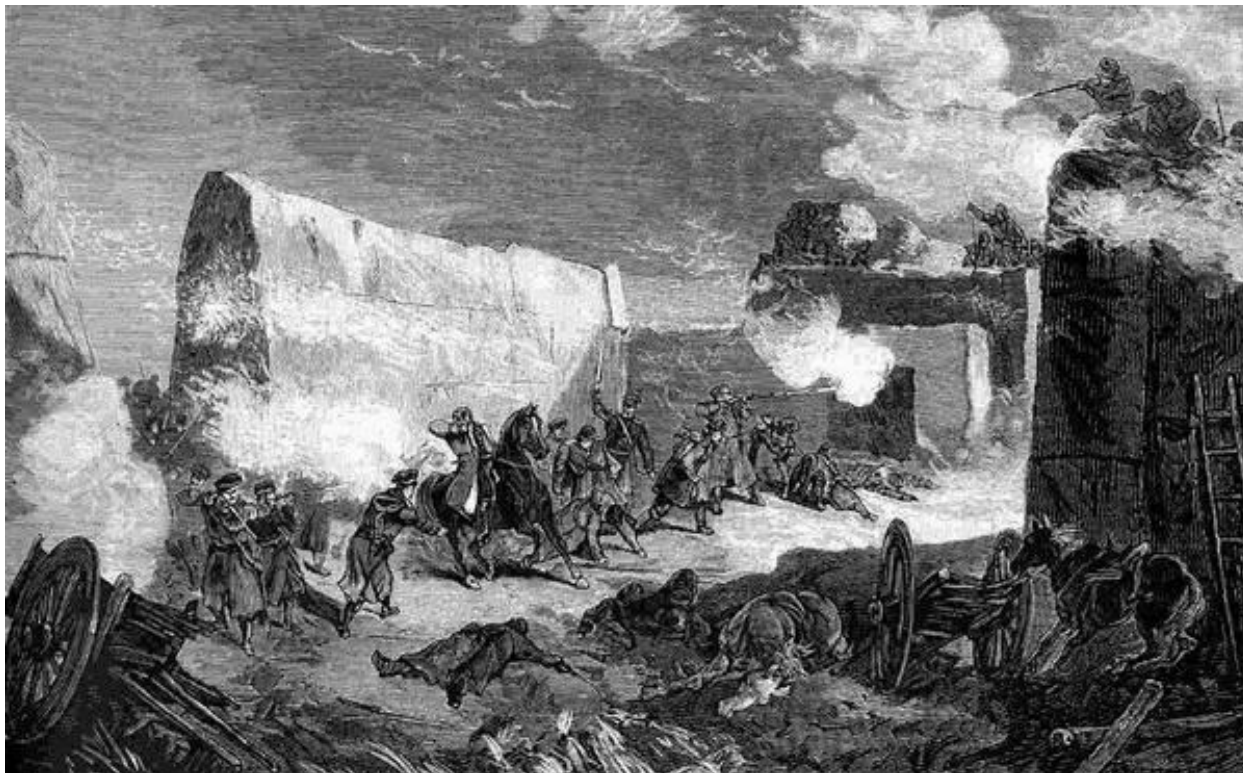
Никогда ещё русская армия не имела такого прекрасного обеспечения. Каждый солдат имел по две пары сапог, для зимнего времени было заготовлено 25 тысяч полушубков, 10 тысяч вязаных фуфаяк, теплые сапоги, рукавицы из верблюжьей шерсти. Провиант выдавался солдатам по морской норме. В приказе, подписанном Скобелевым, говорилось: “Кормить до отвала и не жалеть того, что испортится”.

Не забывал командующий и о досуге своих солдат и даже об их физиологическом здоровье. На полях доклада санитарного врача Михаил Дмитриевич пишет:

“По опыту минувшей войны знаю все разрушающее действие на войско продолжительных сидений на одном месте. Война не война, мир не мир. В таком положении одно: неустанная сердечная заботливость непосредственного ближайшего начальства. Солдата нужно бодрить, веселить и не киснуть с ним вместе. Прошу сделать распоряжение теперь же, в счет экстраординарной суммы, выписать скорее игры для солдат по числу укреплений на обеих коммуникационных линиях и в оазисе. Полезными играми я признаю игру в мяч, причем необходимы мячи различных размеров, прочные и красивые. Кегли можно устроить почти везде на месте, и надо выписать лишь несколько деревянных или костяных шаров [...] Там, где по числу гарнизона это возможно, предписать устроить солдатский театр, для чего можно выписать несколько либретто из балаганных репертуаров. [...] Вопрос о публичных женщинах является очень важным. Необходимо иметь прачек и вообще практиканток в

тыловых укреплениях для солдат. А для этого нужно их достаточное количество. Буду ожидать доклада начальника штаба”.

В результате, в начале 1882 года, после непродолжительной осады и штурма главная крепость текинцев Геок-Тепе была захвачена, после чего Скобелев отдаёт её солдатам на трёхдневное разграбление.

Геок-Тепе. Прорыв в крепость. Рис. Н. Н. Каразина

Думаю, это было заранее предусмотрено командующим, и именно поэтому он попросил Императора, чтобы в экспедиции не было журналистов. Даже своему другу, американскому корреспонденту Мак-Гахану, Скобелев запретил участие в походе. Так на белоснежном мундире “Ак-Паши”, как называли Скобелева на Востоке, появилось кровавое пятно.

Традиция отдать захваченный город на разграбление, уходит своими корнями в античные времена. “Горе побеждённым” – говорили древние римляне. Однако в 19 веке такого уже не было в армиях цивилизованных стран. Мародерство и грабеж были строжайше запрещены и в русской императорской армии и карались военно-полевым судом. Завоевание Хивы, Коканда показало, что вполне можно было обойтись и без резни и грабежа. Скобелев нарушил это правило, соединив европейскую военную науку и вооружение с азиатским способом ведения войны. Превосходство русских войск в военном отношении вполне позволяло обойтись меньшей кровью текинцев и, тем более, не устраивать грабежа. По меркам сегодняшнего дня приказ Скобелева ни в коем случае не может быть оправдан, и он мог быть судим международным трибуналом как военный преступник.

Вполне возможно, что это страшное деяние, эти “мальчики кровавые в глазах” стали причиной депрессии приведшей к самоубийству. По свидетельству начальника штаба 4-го корпуса Михаила

Духонина, после битвы при Геок-Тепе Скобелев стал часто впадать в мрачное настроение, думать о смерти и упоминать о лежавших на его совести многочисленных "осмысленных" жертвах.

Вот, что об этом пишет Вас. Ив. Немирович-Данченко: "В бессонные ночи, в минуты одиночества полководец отходил назад и выступал на первый план человек с массой нерешенных вопросов, с раскаянием, с мучительным сознанием того, какую дорогую страшную цену требует неумолимый заимодавец судьба за каждый успех, в кредит отпущенный ею. Тысячи призраков сходились отовсюду с немим укором на бескровных устах - и недавний победитель мучился и казнился как преступник от всей этой массы им самим пролитой крови".

Возможно, к трагическому концу могли привести и какие-то события, связанные с личной жизнью Михаила Дмитриевича, в частности его отношения с женщинами. Стоит рассмотреть и этот вариант.

Из того, что мы сегодня знаем, Скобелев вряд ли был счастлив в личной жизни. Он не был приспособлен для создания семейного очага - семьей для него была армия.

Без сомнения, женщин он любил, но полагал, что настоящий военный не должен чрезмерно привязываться к ним и связывать себя брачными узами. Михаил Дмитриевич считал, что: "Нужно бежать от порядочных женщин! Именно от порядочных. Военному непременно, иначе - привяжешься, двум богам нет места в сердце. Война и семья - понятия не совместимые".

Своему другу, писателю Немировичу-Данченко, Скобелев, как-то сказал:

- Игнатий Лойола (*основатель ордена иезуитов, В. Ф.*) только потому и был велик, что не знал женщин и семьи... Кто хочет сделать что-нибудь крупное - оставайся одинок...

Однажды в Бухаресте "Белый генерал" добился свидания с понравившейся ему француженкой. Вдруг прямо посредине любовной беседы он вдруг задумался, пошел к столу, вынул какую-то книгу и погрузился в чтение, по временам что-то отмечая на карте. Дама, посидев некоторое время в недоумении, просто ушла. Характерный эпизод, не правда ли?

Тем не менее, в январе 1875 года Скобелев, всё же женился. Женился по воле своих родителей, которые считали, что брак поможет ввести необузданный, порывистый характер сына в спокойное русло семейной жизни. Его женой стала фрейлина императрицы, княжна Мария Николаевна Гагарина, - кроткая нравом, миловидная девушка. Однако, интересы мужа мало её волновали. Балы, наряды из Парижа да убранство семейного очага в Петербурге, вот круг интересов супруги Михаила. "Радуюсь твоему настоящему степенству, - пишет Дмитрий Иванович Скобелев сыну, - радовался радостью твоей жены, она накупила удачно тебе в кабинет ковров...".

Но никакие ковры не могли заменить молодому офицеру жизни военной - деятельной, боевой, где гремят пушки, где под крики "ура" идут в штыковую атаку и пороховой запах пьянит крепче, чем любимый им "шато д'икем". Вот что писал по этому поводу друг Михаила Дмитриевича, художник В. В. Верещагин: "Горячий, простой и искренний, он не мог ужиться с пустой, надменной, холодной красавицей женой, и между ними на первых же порах раскрылась целая пропасть".

Тем не менее в начале отношения между супругами были достаточно теплыми, у них даже родился сын, которого, как и отца, назвали Михаилом.

Весной 1875 года, через несколько месяцев после свадьбы, Скобелев вновь, в третий раз отправляется в Туркестан. На этот раз уже в чине полковника и флигель-адъютанта Его Императорского Величества. Жену он берёт с собой. Но походная жизнь генеральшу Скобелеву не привлекает. Достигнув Нижнего Новгорода, она отказывается продолжать путь сославшись на слабое здоровье. “Хотя бы несколько дней отдыха”. – попросила она мужа. Но Скобелев торопится в Ташкент, где его дожидался Кауфман с ответственным поручением отправится с дипломатической миссией в Кашгар, и оставив супругу в гостинице он уезжает.

Прибыв на место Михаил Дмитриевич немедленно телеграфирует жене, прося её о немедленном приезде, но Мария Николаевна отказалась. Через два года, в ноябре 1877 года Скобелев, находясь под Плевной, получил письмо от супруги с просьбой о разводе. Так, плачевно, окончился для "белого генерала" опыт семейной жизни. Попытка обрести семью не удалась, но думаю большая часть вины в этом лежит на нём самом.

*М. Н. Гагарина-Скобелева. Фото из книги М.И. Полянского
“Памяти Михаила Дмитриевича Скобелева”. СПб, 1908.*

Страшным, трагическим стал для Михаила 1880 год. В начале января (по новому стилю) от разрыва сердца умирает отец, генерал-лейтенант Д. И. Скобелев, которому исполнилось всего 58 лет. А летом того же года, трагически погибает мать, Ольга Николаевна Скобелева, в девичестве Полтавцева. Михаил Дмитриевич находился в Закаспии, где готовился к последнему броску к крепости Геок-Тепе, когда получил страшное известие из Болгарии. Расскажем чуть подробнее об этой трагедии.

Мать Скобелева, женщина с железным характером, умная, честолюбивая, души не чаяла в своём единственном сыне. “Ольга Николаевна была очень интересной женщиной, с характером властным и настойчивым. Она очень любила своего единственного сына, посещала его даже в походной обстановке и своей широкой благотворительной деятельностью поддерживала его политику в славянском вопросе”. Так характеризовал Скобелеву Н. Н. Кнорринг.

Родители М. Д. Скобелева. Ген.-лейт. Д. И. Скобелев, рисунок П. Ф. Бореля, “Всемирная иллюстрация”, 1880 г.

и О. Н. Скобелева, гравюра неизвестного художника

После смерти мужа Ольга Николаевна посвятила себя помощи больным и раненым и отправилась в Болгарию, где стала руководить болгарским отделом Общества Красного Креста. В городе Филиппополе (ныне Пловдив) она основала приют для 250-ти сирот, родители которых погибли во время войны. Такие же сиротские дома и школы, Ольга Николаевна организовала ещё в нескольких городах. Кроме того, мать “Ак Паши” была захвачена идеей сделать своего сына правителем Болгарии, основав тем самым новую монархическую династию в Европе. С этой целью она проводила там, как сказали бы сейчас, пиар-компанию. М.М. Филиппов писал по этому поводу:

“...носились даже слухи, будто Скобелев метит в болгарские князья. Слухи эти имели некоторое основание. О возможности своей кандидатуры Скобелев сам говорил многим близким, и весьма вероятно, что его мать, Ольга Николаевна, поддерживала этот план”. О том, что Ольга Николаевна добивалась для сына болгарского престола, упоминает и другой биограф Скобелева, А. Струсевич.

В Болгарии она собиралась купить имение и с этой целью привезла с собой около одного миллиона рублей в ассигнациях, ценных бумагах и драгоценностях. Безусловно, часть этих денег предназначалась для финансирования тайных славянских организаций, которые боролись за освобождение от турецкого ига. Покупка имения, таким образом, служила дымовой завесой.

В начале июля 1880 года Ольга Николаевна отправилась с небольшой свитой, состоящей из старшего унтер-офицера Суздальского полка Иванова и 22-летней горничной Катей, по какому-то делу. У селения Чирпан в 5 километрах от города на её экипаж напали разбойники. Самым ужасным, было то, что во главе грабителей стоял бывший ординарец Скобелева поручик А. А. Узатис.

Подробный рассказ об этой трагедии, оставил очевидец тех событий Э. В. Экк, в описываемое время русский военный агент в Болгарии.

Ольга Николаевна хорошо знала своего будущего убийцу. Алексей Узатис был ординарцем её сына во время русско-турецкой войны. Встретив его в Болгарии, где он служил в полиции, Скобелева искренне обрадовалась. Практически каждый день Узатис стал бывать в доме матери своего бывшего командира. В тот роковой день, 6 июля, он также был приглашен в дом Скобелевой к завтраку, после которого помог со сборами. Именно он паковал деньги, а затем, осмотрев прибывший экипаж, заверил, что всё в порядке и можно ехать. Затем попрощавшись ушёл, якобы в казарму. На самом деле злодей поспешил к месту засады, которое наметил заранее. Там его уже ждали сообщники – три брата из Черногории Илья, Андрей и Степан Барчики. Спрятавшись они стали поджидать свою жертву.

Через два часа после отъезда экипажа, к капитану Экку вбежал его денщик и от волнения с трудом выговорил: “прибежал раненый Иванов, он говорит, что капитан Узатис с черногорцами убили генеральшу и ее девушку”. “Известие было так невероятно, - пишет Экк, - что я не поверил ему, приказал помочь мне подняться с постели и сойти вниз к Иванову. Иванов действительно лежал, тяжело раненный в руку, и со слезами рассказал: “Едва мы отъехали от города версты четыре на высоте лагеря, как видим, у края шоссе стоит Узатис со своими тремя черногорцами. Генеральша приказала остановиться. Только экипаж остановился, они подошли и вдруг все бросились: один черногорец на меня, ударил меня ножом в руку и сбросил с козел; другой убил извозчика, а сам Узатис одним ударом ножа зарезал генеральшу, другим — девушку. Воспользовавшись минутой, что они стали разбирать чемоданы, я бросился бежать и бежал досюда”.

Далее предоставим слово поручику Вишневному: “В лагерь прибежали люди, которые передали, что на шоссе стоит экипаж, убиты две женщины и извозчик и тут же лежит взломанный чемоданчик. Мы тотчас поскакали по шоссе и в убитой узнали мать генерала Скобелева. Капитан Ковалевский остался при покойной, а я, вернувшись в лагерь, взял трех конников, чтобы скакать в Дермен-Дере, так как есть подозрение, что убил Узатис”.

Вишневецкий с отрядом бросился в погоню и на мельнице, принадлежащей убийце, застиг троих сообщников. Они без сопротивления дали себя арестовать, уверяя, что ни в чем не виноваты. Через некоторое время при попытке бежать в Македонию был настигнут и Узатис. Окружённый преследователями он предпочёл смерть и достав из-за пояса револьвер, выстрелил себе в рот.

Подоплека этого злодеяния выяснилась в результате допроса черногорцев. Они рассказали, что после войны дела Узатиса пошатнулись: весь накопленный капитал он вложил в постройку мельницы, но деньги кончились, а мельница так и не была достроена. Для завершения работ ему нужно было несколько тысяч рублей. Все попытки занять эти деньги у разных лиц закончились безуспешно. Когда в Филиппополь приехала Скобелева, по слухам привезшая с собой огромную сумму, появилась надежда занять денег у нее. Однако, деньги предназначались для другого, и Ольга Николаевна отказала. Тогда Узатис решил взять деньги силой.

Между прочим, на суде один из братьев Барчиков, Андрей, сказал: “Ни один черногорец не убьет женщины, а тем более матери Скобелева. Мать Скобелева и другую женщину убил сам Узатис, а я убил извозчика и ранил Иванова и, если мне дадут офицера, то я проведу его на то место, где закопаны деньги, около 200 золотых. Пошли мы, черногорцы, на это дело потому, что того требовал Узатис, но женщин мы никогда не убиваем”.

Пловдив. Памятник на месте гибели О. Н. Скобелевой

Весть об убийстве самого близкого для него человека стала для Скобелева страшным ударом. Ещё не зажила рана от смерти отца и вот новая потеря. Мать Михаил боготворил, относился к ней с огромной нежностью и по рассказам очевидцев плакал как младенец, и не выходил весь день из своей

палатки. Позже в беседе с Немировичем-Данченко Скобелев с горечью говорил: “Со смертью матери у меня оторвалось многое от сердца... И зажить оно не может. Все кровью сочится. К кому я пойду теперь, когда душа заболит... Вечно один и один... Сослуживцы?.. Я их глубоко люблю, знаю, и они меня любят, но это все не то. Тут я был сыном, другом... Один я знаю - насколько я обязан ей, её советам, её влиянию. Она одна меня понимала. Ах, если бы она могла жить со мною постоянно...”

Несмотря на то, что в это время Скобелев вёл активную подготовку к штурму крепости Геок-Тепе он попросил царя отпустить его на похороны, но получил отказ. В своём письме своему дяде, графу А. В. Адлербергу, Михаил Дмитриевич так писал об этом: “Он хорошо понял, что мне нельзя было отлучиться, мне же теперь стыдно, что скорбь, хоть на минуту, могла во мне заглушить чувство долга. Увы, случившееся не поправишь”.

Тело Ольги Николаевны было доставлено в родовое гнездо Скобелевых, Спасское и похоронено рядом с мужем.

В последний год своей жизни Скобелев, казалось, встретил наконец свою настоящую любовь. В Минске, куда Михаил Дмитриевич отправился служить после Ахалтекинского триумфа, он познакомился с Екатериной Александровной Головкиной. Она была бедной учительницей, классной дамой в женской гимназии, но именно такую жену всегда хотел найти для себя “Белый генерал”. Ещё на Балканах он говорил Верещагину о своей мечте жениться на простой учительнице. Познакомился с ней Скобелев в доме генерала М. Л. Духонина, где Екатерина снимала комнату. Судя по сохранившимся письмам, Михаил Дмитриевич действительно влюбился в неё. Однако, Екатерина Александровна была всецело захвачена вихрем идей эмансипации, прилетевшим в Россию из Европы. Её поглощало желание быть не только равной мужчине, но властвовать над ним. “Дайте мне прежде право над вами, полное, бесконечное, и я дам вам счастье”, — писала она Скобелеву в ответ на признания в любви и предложения вступить в брак. Это был мучительный роман для Михаила Дмитриевича и, несмотря на то, что они стали близки, разрыв всё-таки произошёл. С тяжёлым сердцем уезжал Скобелев в Москву.

Муки совести об “осмысленных жертвах” в Туркмении, ранняя смерть отца, страшная гибель матери, пропажа огромной суммы денег, приготовленных очевидно для какого-то проекта, и, наконец, разрыв с любимой женщиной – не каждый человек выдержит эти удары судьбы, следующие один за другим в течении двух последних лет.

И всё же версия самоубийства весьма шаткая. Скобелев был глубоко верующим человеком с достаточно сильным, твёрдым характером. С высоким пониманием своего долга перед Россией, которую бесконечно любил. Как раз в это время он приступил к созданию труда, в котором хотел обобщить уроки русско-турецкой войны. Намеревался написать книгу о современном военном искусстве, для чего заказал в книжном магазине Вольфа, огромное количество книг на английском, французском, немецком и других языках (Скобелев владел 8-ю языками). Оставались незакончены мемуары, которые он начал писать ещё в Туркестане. К тому же у него были весьма амбициозные

планы в отношении себя - Скобелев становился всё более яркой политической фигурой, о чём пойдёт рассказ ниже. Нет, с моей точки зрения, версия самоубийства не имеет под собой оснований. Куда больше их у версии об отравлении “Белого генерала” иностранной разведкой.

Версия вторая. Яд в бокале

М. Д. Скобелев среди офицеров и нижних чинов «скобелевской» дивизии.

1881 г. Фото Сергея Левицкого.

Версия об отравлении была, да и поныне остаётся, самой распространённой. Её придерживается большинство современных биографов “Белого генерала”. Согласно этой версии, Скобелев был отравлен либо в номере кокотки, либо незадолго перед тем, как он туда вошёл. Как показала на допросе Шарлотта Альтенроз, перед тем как подняться в номер они ужинали в ресторане гостиницы. Ужинали втроём, была ещё одна дама. Куда она потом исчезла неясно. В самый разгар застолья из соседнего кабинета вышел мужчина и предложил генералу выпить бокал шампанского. Михаил Дмитриевич не отказался. Возможно именно в этом бокале был растворён яд. О том, что Скобелев действительно был отравлен, говорит, хоть и косвенно, медицинское описание покойного. В нём отмечалось, что сразу после смерти лицо Скобелева приобрело необычно желтый цвет и покрылось синими пятнами, какие бывают при отравлении некоторыми смертельными ядами. Сохранились свидетельства денщика Скобелева утверждавшего, что тело его командира быстро одеревенело: “Совсем точно дерево. Одеть трудно”. О том же пишет Немирович-Данченко: “Хватаю его руки, плечи... Солдат прав, как дерево, так бывает от столбняка...”. Тот же свидетель описывает странные пятна на теле покойного: “На желтом, страшно желтом лице Скобелева проступали синие пятна”. И хотя прямых доказательств отравления нет, но косвенных вполне достаточно. А главный мотив. Смерти “Белого генерала” жаждали многие. Но кто решился на столь страшное политическое убийство? Турция, Британия, Германия? Впрочем, Турцию, можно отбросить сразу. К этому времени Османская империя уже была

настолько слаба, что средств для такого изощрённого преступления у неё просто не было. Остаётся Британия или Германия. Рассмотрим обе версии.

Сразу после смерти Скобелева английская пресса писала: “Преждевременная кончина молодого и храброго воина всегда возбуждает в людях живые соболезнования и симпатию, но мы сомневаемся, чтобы какой бы то ни было из современных военачальников, не англичанин, сойдя со сцены, мог возбудить столь всеобщее и неудержимое чувство сожаления, как то, которое порождено известием о конце блестящего поприща генерала Скобелева. Он был врагом Англии, но в этой стране следили за его подвигами едва ли с меньшим интересом, чем в его отечестве. [...] Соотечественникам Скобелева трудно будет его заменить. Одного его появления на своём белом коне, впереди боевой линии, бывало достаточно, чтобы возбудить в солдатах энтузиазм, коего едва достигали ветераны Наполеона I”.

Отдав должное русскому полководцу, газета всё же констатирует, что Скобелев был врагом Англии. И это мнение разделяла довольно большая часть британского общества. Однако к началу 80-х годов XIX века мнение это было явно устаревшим. “Большая игра” хоть и продолжалась, но накал её явно понизился. Последним ярким всплеском этого противостояния, стало присоединение Ахалтекинского оазиса, которому Британия тайно противостояла, но успеха не добилась. А мстить виновнику своего проигрыша, было не в традициях англичан. Нейтрализовать Скобелева во время военных действий в Туркмении это было бы в духе мастеров “плаща и кинжала” туманного Альбиона, а когда всё уже свершилось, нет. Никаких дивидендов это не принесло бы, скорее наоборот. Кстати, в свете вышесказанного под другим углом видится убийство матери Скобелева. Вот это, вполне возможно, дело рук британской разведки. Чтобы выбить Скобелева из седла во время военной операции. Посудите сами, если Узатису нужны были только деньги, ему было совсем не обязательно участвовать в нападении. Он мог поручить это грязное дело своим трём сообщникам, обеспечив себе на это время алиби.

На допросе братья-черногорцы показали, что предлагали просто ограбить экипаж Скобелевой надев маски и никого не убивая, но Узатис настоял именно на убийстве. Всё это заставляет задуматься.

Так нужно ли было англичанам убивать Скобелева в 1882 году, когда он главным врагом России считал отнюдь не Британию, а совсем другую страну? Думаю, нет.

Считая Германию главным политическим соперником России и противником в будущей войне, Скобелев говорил своему ординарцу П. А. Дукмасову: “... не за горами новая страшная война; должен решиться, наконец, наш спор с немцами: кому первенствовать - им или нам. И я уверен, что кровавая борьба эта решится в нашу пользу, хотя, конечно, много жертв, много жизней и денег она поглотит! Но мне не придется видеть всего этого”. Какое потрясающее провидение.

На чисто житейском, бытовом уровне, Скобелев не любил немцев. Корни этой нелюбви крылись в далёком детстве полководца. Воспитанием юного Михаила занимался немец-гувернер, который был человеком грубым и жестоким. Он бил мальчика прутом за плохо выученный урок и за любые детские шалости. Естественно, между гувернёром и воспитанником возникла непримиримая

вражда, в один прекрасный закончившаяся взрывом. Двенадцатилетний Миша влюбился в соседскую девочку, свою ровесницу. Однажды гуляя с ней, он встретил гувернера. Тот за какую-то провинность отругал мальчика и ударил по щеке. В ответ юный Скобелев плюнул тому в лицо и дал пощёчину. Гувернёр был уволен, но нелюбовь к немцам осталась в Скобелеве навсегда.

После эпизода с гувернёром Михаил был отправлен отцом в пансион в Париж. Содержатель пансиона Жирарде, напротив, оказался для мальчика, не только воспитателем, но и другом, искренне привязавшимся к своему питомцу.

М. Скобелев-юнкер. Журнал “Разведчик”, июнь 1902 г.

Жирарде последовал за Скобелевым в Россию, сопровождал его во время боевых действий. Когда Скобелев служил в Туркестане, Жирарде был воспитателем детей Кауфмана, туркестанского генерал-губернатора.

Однако, несмотря на отрицательное отношение к Германии, Скобелев отдаёт дань уважения её руководителям.

М. М. Филипов приводит любопытное высказывание генерала: “Терпеть я не могу немцев! – говорит Михаил Дмитриевич своему ординарцу. - Меня больше всего бесит наша уступчивость. Даже у нас, в России, мы позволяем им безнаказанно делать всё, что угодно. Даем им во всем привилегии, а потом сами же кричим, что немцы всё забрали в свои руки. Конечно, отчего же и не брать, когда наши добровольно всё им уступают... А они свою аккуратностью и терпением, которых у нас мало, много

выигрывают и постепенно подбирают всё в свои руки. А всё-таки нельзя не отдать им справедливости, нельзя не уважать их как умных и ловких патриотов. Они не останавливаются ни перед какими мерами, если только видят пользу своего фатерланда... Нет у нас таких патриотов, как, например, Бисмарк, который высоко держит знамя своего отечества и в то же время ведет на буксире государственных людей чуть не всей Европы... Самостоятельности у нас мало в политике... Ненавижу я этого трехволосого министра-руссофоба, но вместе с тем и глубоко уважаю его как гениального человека и истого патриота... Вот бы нам побольше людей с таким твердым, решительным характером".

Впрочем, Германия и её лидер Отто Бисмарк, отвечали Скобелеву тем же, поскольку в последние годы Михаил Дмитриевич проводил активную антигерманскую политику, ратуя за союз России и Франции.

На торжественном обеде, посвящённом годовщине взятия Геок-Тепе, состоявшемся 12 января 1882 года, Скобелев произнёс речь вызвавшую дипломатический скандал. Держа в руке бокал с вином Михаил Дмитриевич в частности сказал: "Космополитический европеизм не есть наш источник силы, и он может являться лишь признаком духовной слабости нации. Сила России не может быть вне народа, а наша интеллигенция сильна только в неразрывной её связи с народом...". Как современно звучит, правда? Затем неожиданно заменив бокал вина на стакан с водой – безусловно заранее продуманный эффектный жест, – Скобелев произнёс: "Господа! В то самое время, когда мы здесь радостно собрались, там, на берегах Адриатического моря, наших единоплеменников, отстаивающих свою веру и народность, именуют разбойниками и поступают с ними как с таковыми... Там, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки направлены в единовверные нам груди".

Эта речь, стала подобна камню брошенному в застоявшуюся воду. Она обошла все российские и крупнейшие европейские газеты. Германия и Австрия выразили протест. Недоволен был и царский двор, и от греха подальше военное министерство отправило Скобелева в отпуск.

Воспользовавшись этим, Михаил Дмитриевич уезжает в Париж, где его восторженно встречают сербские студенты, учившиеся во Франции. И здесь Скобелев произносит речь в которой заявляет: "Я вам скажу, я открою вам, почему Россия не всегда на высоте своих патриотических обязанностей вообще и своей славянской миссии в частности. Это происходит потому, что как во внутренних, так и во внешних своих делах она в зависимости от иностранного влияния. У себя мы не у себя. Да! Чужестранец проник всюду! Во всём его рука! Он одурачивает нас своей политикой, мы — жертва его интриг, рабы его могущества... Это автор «натиска на Восток» — он всем вам знаком — это Германия».

На следующий день, давая интервью французской газете «Ле Вольтер», Скобелев вновь подчёркивает: "Да, я сказал, что враг - это Германия, я это повторяю. Да, я думаю, что спасение в союзе славян - заметьте, я говорю: славян - с Францией... Для нас — это средство восстановить нашу независимость. Для вас же - это средство занять то положение, которое вами утрачено (*имеется в виду поражение Франции в войне с Германией в 1871 году. Прим. В.Ф.*)".

Это был уже откровенный вызов. Бисмарк в ярости, а министерство иностранных дел России, вынуждено дезавуировать Скобелева, назвав его речь “частным заявлением лица, не уполномоченного на то правительством”. “Белого генерала” вызывают в Петербург, на всякий случай приказав ехать, минуя Берлин, кружным путем — через Голландию и Швецию. По прибытии в столицу Скобелев был принят Императором Александром III. Причём неожиданно для всех - и, особенно, для самого виновника скандала, - принят весьма благосклонно. Во-всяком случае Скобелев вышел оттуда весёлым и довольным. Два часа длилась аудиенция. О чём шёл разговор неизвестно, Скобелев никому об этом не рассказал. Благосклонность императора объясняется, по всей видимости, влиянием на царя К. П. Победоносцева, воспитателя Александра III, человека крайне реакционных взглядов, ставшего по сути серым кардиналом при российском самодержце.

Обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев.

Фото С. Левецкого, 1902

Помните у Блока?

В те годы дальние, глухие,

В сердцах царили сон и мгла:

Победоносцев над Россией

Простер совиные крыла,

И не было ни дня, ни ночи

А только — тень огромных крыл;

Он дивным кругом очертил

Россию, заглянув ей в очи

Стекланным взором колдуна.

Победоносцев, не разделяя взгляды Скобелева, тем не менее понимал какое влияние на подданных России имеет этот харизматичный военачальник, становящийся незаурядным политиком. В письме к Александру III Победоносцев писал:

“Пускай Скобелев, как говорят, человек безнравственный... Скобелев, опять скажу, стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние, то есть люди ему верят и ему следуют... Теперь время критическое для Вас лично, теперь или никогда Вы привлечете к себе и на свою сторону лучшие силы России, людей, способных не только говорить, но самое главное – способных действовать в решительные минуты... Тем драгоценнее теперь человек, который показал, что имеет волю и разум и умеет действовать: ах, этих людей так немного”.

Скобелев, таким образом становился сильной и самостоятельной политической фигурой и представлял огромную опасность для Германии. Решение о ликвидации столь грозного врага, скорей всего, было принято на самом высоком уровне. В исторической повести современного писателя Анатолия Корольченко “Генерал Скобелев” рассказывается о жёсткой реакции Бисмарка на парижскую речь Скобелева:

“И в Париж полетела срочная депеша. Но раньше, чем она прибыла, о беседе Скобелева со студентами стало известно в Берлине. Глава Германии «железный канцлер» Бисмарк прочитал газету с холодным спокойствием.

– Этот русский генерал весьма смел в своих речах. Его опрометчивость не только вредна, но и опасна для него. Ведь погибают не только в сражениях. – Он задержал на приближенном чуть дольше обычного взгляд. Потом нервно крутнул ус, прошелся по кабинету. – Этого генерала надобно унять. Чтоб было неповадно другим говорить дерзости о нашем фатерлянде.

Отто фон Бисмарк в рабочем кабинете. – Яволь, – произнес тот. – Мы найдем способ заставить его
Из книги “Бисмарк. 200 редких фотографий”

молчать.

Бисмарк сделал вид, что не слышал слов подчиненного”.

Несмотря на то, что это художественное произведение, такая сцена вполне могла быть на самом деле. Немецкая разведка в России, чувствовала себя весьма вольготно. Этнические немцы в большом количестве проживающие в Москве и Петербурге, были благодатнейшим материалом для агентурной работы. Шарлотта Альтенроз, несмотря на французскую фамилию была немкой и скорей всего работала на германскую спецслужбу. Возможно именно она поднесла бокал с ядом Скобелеву, возможно тот неизвестный мужчина из ресторана, это уже не суть важно. Бисмарк, сказавший после

смерти “Белого генерала”, что: “Смерть его равняется потере Россией стотысячной армии”, мог облегчённо вздохнуть.

Немецкая пресса не скрывала своей радости по поводу смерти генерала. "Биржевой листок Берлина" писал в те дни: "Ну, и этот теперь нам больше не опасен, - генерала Скобелева нет более в живых! Личность, наполнившая Европу один момент своими геройскими подвигами и целые недели и даже месяцы своею сомнительною славою и своими зажигательными речами, исчезла, не успев натворить и мельчайшей доли того зла, о котором она мечтала. Пусть панслависты и русские шовинисты плачут у гроба Скобелева, что касается нас, немцев, то мы честно в этом сознаемся, что мы довольны тем, что смерть похитила рьяного врага, на обращение которого к лучшим чувствам никак нельзя было рассчитывать".

Смерть “Белого генерала” от рук немецкой разведки, была наиболее распространённой среди современников. Герой рассказа Куприна “Однорукий комендант” говорит: “Пусть не болтают глупости, что умер он от пресыщения излишествами... Такие люди умирают на поле брани или от отравы. Вся Москва знала и говорила, что по воле Бисмарка поднесен ему был в бокале вина неотразимый яд и в час его смерти выехал из Москвы в Петербург специальный агент на экстренном поезде”.

Версию о германском следе поддерживали и некоторые представители официальных кругов. К примеру князь Н. Мещерский в 1887 году писал Победоносцеву:

“Со дня на день Германия могла наброситься на Францию, раздавить ее. Но вдруг благодаря смелому шагу Скобелева сказала впервые общность интересов Франции и России, неожиданно для всех и к ужасу Бисмарка. Ни Россия, ни Франция не были уже изолированы. Скобелев пал жертвою своих убеждений, и русские люди в этом не сомневаются”.

Однако, вполне возможно всё было совсем не так, ведь список врагов Скобелева Германией отнюдь не исчерпывался.

Версия третья. Масоны

По дороге в Париж, куда Скобелев отправился после скандальной речи в ресторане Бореля, он встретил своего старого товарища художника Верещагина. Василий Васильевич оставил любопытные воспоминания об этой встрече. В частности, он записал: «Последний раз виделся я с дорогим Михаилом Дмитриевичем в Берлине, куда он приехал после известных слов в защиту братьев-герцеговинцев, сказанных в Петербурге. Во время этого последнего свидания я крепко журил его за несвоевременный, по мнению моему, вызов австрийцам, он защищался так и сяк, и, наконец, как теперь помню, это было в здании панорамы, что около Генерального штаба, осмотревшись и убедившись, что кругом нет “любопытных “, выговорил:

– Ну, так я тебе скажу, Василий Васильевич, правду, – они меня заставили, кто они, я, конечно, помолчу.

Во всяком случае он дал мне честное слово, что более таких речей не будет говорить...»

Кто же эти таинственные “они”, которые имели такую власть над бесстрашным “Белым генералом?”.

Есть предположение, что такой силой могли быть масоны, так называемые “Вольные каменщики” - тайная наднациональная организация, в которую входили многие влиятельные политические и общественные деятели европейских стран. По сути это был орден наподобие рыцарского; братство людей, объединенных общими идеями, тайнами и замыслами. В разное время в масонские ложи входили такие яркие умы, как Бенджамин Франклин, Джордж Вашингтон, Моцарт, Вольтер, Генри Форд, Уинстон Черчилль и многие другие. Свое название масоны заимствовали у средневековых цехов строителей (по-английски «масон» означает «каменщик»), переосмыслив его в мистическом духе.

Цель масонов – установление мирового порядка, в котором им будет принадлежать господствующая роль.

В России масонство стало широко распространяться с начала XVIII века. По различным свидетельствам - хотя документального подтверждения этому нет - первым русским масоном был Пётр I. Яркими представителями этой тайной организации в России были, к примеру, философ и просветитель Н. И. Новиков, А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, фельдмаршал М. И. Кутузов, декабристы П. И. Пестель, С. П. Трубецкой, С. Г. Волконский, А. Н. Муравьев и другие известные личности. Ряд историков, считает, что масонами были некоторые российские самодержцы, а также представители высшей русской аристократии. В романе Л. Н. Толстого “Война и мир”, несколько десятков страниц посвящено эпизоду принятия Пьера Безухова в “Вольные каменщики”.

Во времена М. Д. Скобелева интерес к масонству в русском образованном обществе был необычайно велик. Популярный в то время писатель А. Ф. Писемский посвятил этой организации роман «Масоны», вышедший в 1880 году.

Французские масоны (или франкмасоны) оказывали существенное влияние на русских либералов-западников. Встречались масоны и среди славянофилов, чьи идеи целиком разделял Скобелев. Поэтому нельзя исключить, что “вольные каменщики” попытались использовать такую мощную политическую фигуру, как М. Д. Скобелев в своих интересах. Использовать, прекрасно зная его обеспокоенность судьбой славянских народов и тревогу, вызванную милитаризацией Германии. И несмотря на обещание данное Верещагину, в Париже Скобелев вновь произносит публичную речь, ещё более скандальную чем в Петербурге. Может быть опять “они” вновь заставили?

Изложим свои соображения по этому поводу. Первое, на что следует обратить внимание, это то, что многие близкие друзья Скобелева были масонами. Ими были к примеру В. И. Немирович-Данченко и А. Н. Куропаткин. Фигура Немировича-Данченко, рассмотренная под этим углом, вызывает наибольший интерес. Познакомимся поближе с Василием Ивановичем.

Вас. Иванович Немирович-Данченко, 1874 г.

Русский писатель, блистательный журналист, путешественник, он был военным корреспондентом во время русско-турецкой войны 1877-1878, где принимал участие в боевых действиях и был награждён двумя солдатскими Георгиевскими крестами. Позднее был участником русско-японской войны 1904-1905 гг. и Первой Балканской войны (1912-1913). С 1906 года являлся одним из основателей масонской ложи “Возрождение” находившейся под эгидой французской ложи “Великий Восток”. С 1921 года - в эмиграции: сначала в Германии, затем в Чехословакии. Любопытную характеристику дал Немировичу-Данченко, писатель и журналист, тоже масон, А. В. Амфитеатров в 1926 году. Вот, что он пишет: "Автор многочисленных очерков и описаний многочисленных путешествий... Немирович-Данченко ненавидит деспотов, тиранов, утеснителей человечества, владык и слуг "царящего зла", в каких бы формах и личинах оно ни вторгалось силою, ни вкрадывалось обманом. Он ненавидел железную руку автократии Александра III, ненавидит человекоистребительный, безбожный большевизм”.

Скорее всего масон Немирович-Данченко манипулировал Скобелевым по заданию ложи, рассматривая креатуру “Белого генерала” как элемент большого плана по подрыву самодержавия. И возможно манипулировал не только он. Воспитатель Михаила француз Жирарде, без сомнения оказавший огромное влияние на своего воспитанника, также принадлежал к “вольным каменщикам”. Жирарде сопровождал Скобелева в Париж, где тот неоднократно встречался с премьер-министром

Франции Леоном Гамбетта, - одним из руководителей масонской ложи “Великий Восток”, - и его ближайшей помощницей, писательницей и журналисткой Жюльетт Адам.

Леон Гамбетта, портрет художника Л. Бонна, 1875 г. и Ж. Адам фотопортрет неизвестного мастера, 1866 г.

Жюльетт к тому времени уже была знакома с русским генералом. В 1881 году будучи в России она впервые увидела Скобелева в цирке, и поразила его огромной популярностью. При появлении “Белого генерала” публика взревела от восторга и вскочила с мест с криком “Да здравствует Скобелев”.

Француженка в своих воспоминаниях записала: “От бедной хижинки до барских жилищ как во всех концах России, так и в столицах, всюду с гордостью рассказывают о Ташкенте, Хиве, Коканде, Кашгаре, Плевне, Галлиполи и Геок-Тепе”. Популярность Скобелева, пишет далее Адам, можно сравнить только с популярностью Наполеона Бонапарта. Именно тогда, возможно, зародилось решение использовать Скобелева в своих планах. Несколько раз Жюльетт встречалась со Скобелевым в доме Аксакова. Визит французской журналистки и её контакты с “Белым генералом” не остались незамеченными и вызвали беспокойство в правительственных кругах России. К. П. Победоносцев в письме императору (тогда Александру II) пишет: “Без сомнения, Вашему Величеству известно, что г-жа Адам есть политическая авантюристка и состоит в числе главных агентов республиканской крайней партии, в связи с планами и расчётами Гамбетты... Она издательница журнала “La Nouvelle Revue”, служащего органом партии. В связи с приездом её в Россию появились в берлинских полуофициальных газетах статьи о том, что она едет сюда для тайных политических переговоров. Имеющих целью сближения Франции с Россией, с здешними политическими партиями”.

Возможно, именно под влиянием масонов Скобелев произнес свои резкие антигерманские речи. Потом заколебался, усомнился в целесообразности для России планов радикального французского масонства, стремившегося использовать противоречия между Россией и Германией лишь для блага Франции.

В 1882 году кабинет Гамбетты вынужден был уйти в отставку. Во французском масонстве всё больше набирали силу космополитические взгляды. Премьер-министр, отстаивающий патриотические позиции, перестал устраивать “Вольных каменщиков”.

Также и Скобелев, после 2-х часовой беседы с императором Александром III, после которой он вышел “весёлый и довольный”, очевидно перестал доверять руководителям радикальных масонских течений.

Правило же тайного ордена гласило: если масон, являвшийся обладателем секретов, обнаруживал признаки непокорности, то он физически уничтожался.

Через несколько месяцев после смерти Скобелева, странным образом погибает и бывший премьер Гамбетта. По официальной версии, от случайного выстрела при чистке охотничьего ружья. Однако, по Парижу упорно гуляли слухи о том, что Гамбетта пал жертвой политического заговора.

После трагедии, случившейся в гостинице “Англия”, Жюльетт Адам стала утверждать, что в ее распоряжении имеются документы, достоверно свидетельствующие, что М. Д. Скобелева отравили две кокотки, специально подосланные из Берлина. Однако все попытки исследователя жизни Скобелева Н. Н. Кнорринга ознакомиться с данными документами окончились безрезультатно. После смерти Ж. Адам в ее архиве никаких бумаг, связанных с генералом Скобелевым обнаружено не было. Это наводит на мысль, что француженка действовала с заведомым умыслом, отвести подозрения от истинных убийц.

Версия о причастности масонов к смерти “Белого генерала” теоретически выглядит достаточно убедительно. Есть лишь один недостаток – этому нет никаких документальных подтверждений.

А мы переходим к последней, не менее невероятной версии, где убийцами оказываются весьма высокопоставленные лица.

Версия третья. По Высочайшему повелению

После блистательно завершённой операции в закаспийских песках, в конце мая 1881 года, Михаил Дмитриевич триумфатором прибывает в столицу. И попадает в совершенно другую страну, в иную политическую ситуацию. Отправлял его на войну один император, а рапорт о победе принимал уже другой. И если к Александру II Скобелев питал самые тёплые чувства, считая его своим благодетелем, то с его сыном отношения не сложились с самого начала. На Николаевском вокзале “Белого генерала” встречала восторженная толпа, о чём Александру III тут же поспешил доложить давний недруг Скобелева князь Долгоруков.

– Ну, и на что это было похоже? – поинтересовался император.

– Это было весьма похоже на возвращение Бонапарта из Египта, Ваше Величество.

Удивительно, но это утверждение перекликается с записью в дневнике секретаря французского посольства Де Вогюэ, которую тот сделал перед отъездом Скобелева в Туркмению. Француз познакомился с Михаилом Дмитриевичем на обеде у М. Анненкова, где собралась “элита русского

либерализма”. Отметив это Де Вогюэ пишет, что Скобелев “или будет убит, или возвратится из Азии, как Наполеон из Египта”.

К моменту возвращения покорителя Ахал-Теке Россия находилась в тяжелейшем внутривластном кризисе. Смертельно напуганный убийством своего отца новый самодержец укрылся в Гатчинском дворце. Это ещё больше подогревало слухи в народе о слабости власти и силе революционеров. В дневнике Д. А. Милютинина читаем: “В Гатчине поражает приезжего вид дворца и парка, оцепленных несколькими рядами часовых с добавлением привезенных из Петербурга полицейских чинов, конных разъездов, секретных агентов и проч. Дворец представляет вид тюрьмы... Во всех классах населения необыкновенно натянутое, неровное настроение. Все чего-то ожидают”. В такой нервной обстановке происходит первая встреча Скобелева и Александра III, ставшая для героя Геок-Тепе “холодным душем”.

Скобелев, встреченный народом России как триумфатор, ожидал добрых слов и от царя. Однако вместо благодарности за блестяще закончившуюся экспедицию царь встретил генерала весьма неприветливо. Не предложив Скобелеву сесть, Александр III презрительно спросил: “А какова была у вас, генерал, дисциплина в отряде?”.

Близкий друг Михаила Дмитриевича барон Н. Е. Врангель (отец будущего лидера Белого движения) вспоминает: “После блистательного похода в Ахал-Теки Скобелев мне рассказал, как его принял Александр III. Вместо похвалы он высказал неудовольствие на то, что он, главнокомандующий, не сумел сберечь жизнь молодого графа Орлова, павшего во время штурма.

– И что ты ему ответил?

– А что тут можно ответить! Сам знаешь...”

В чём была причина такого холодного приёма сказать затруднительно. Исследователь жизни Скобелева В. Н. Массальский считает, что поведение императора объяснялось попыткой Скобелева покинуть весной 1881 года войска и прибыть в Петербург для участия в похоронах убитого царя. Осторожный Александр III мог увидеть в этом попытку Скобелева каким-то образом вмешаться в высшие государственные дела. История взлёта Бонапарта была хорошо известна русским самодержцам. Ледяной приём, оказанный царем прославленному полководцу, получил широкую и весьма неодобрительную огласку. Скобелеву сочувствовали, и популярность его ещё больше возросла. Именно тогда Победоносцев, встревоженный этим эпизодом написал царю письмо, о котором мы рассказали выше. Несомненно, Александр III опасался, в эти первые дни своего царствования, возможности государственного переворота и Скобелев, как никто подходил на роль “русского Бонапарта”.

И. Н. Крамской. Портрет Императора Александра III

Но были ли у “Белого генерала” столь амбициозные планы в отношении себя? Ответ утвердительный. Вот какую характеристику Скобелеву даёт блестящий историк и стилист, автор замечательных исторических портретов, академик Е. В. Тарле: “Человек больших и общепризнанных способностей, честолюбец «высшего порядка», мечтавший не столько о Суворове, сколько о Наполеоне, с натурой совершенно бесстрашного кондотьера, с относительно большою притом умственной культурой, весьма равнодушный к традициям и вполне уверенный в своем предназначении, Скобелев привлекал к себе особое внимание... Александр II его не любил, оттирал на задний план, явственно опасался; и имел основания опасаться. Скобелев был по своей натуре именно типичным генералом от пронунсименто (*в странах Латинской Америки так назывался государственный военный переворот, В. Ф.*)... «Русский Биографический Словарь» с жаром заявляет, что Скобелев был «настоящий верноподданный», но считает все же необходимым неясно и деликатно прибавить: «он был усерден более, чем требовалось, и не был достаточно сдержан». Именно «верноподданности» в нем не было никакой... Социалисты, или Александр II, или Александр III, — одинаково его интересовали исключительно с точки зрения возможности лично для него развернуть отпущенные ему силы. Там, где все держалось на повиновении армии, глава династии не любил и не мог любить этого никогда не смеявшегося красавца, которого некоторые считали шарлатаном, другие героем — и все — очень опасным и на очень многое способным искателем приключений, съедаемым тоскою по власти и по славе, умудрившимся приобрести какими-то путями очень большую популярность среди войск... Скобелева не любили генералы, мало любили офицеры — и очень любили солдаты. Сам он никого не любил и никого не боялся, — и решительно не понимал своей жизни вне войны. Его громадные успехи в Азии в 1873–1875 гг., победы в турецкой войне, завоевание Ахал-Теке в 1880–1881 гг., явное и постоянное (всегда на виду у солдат и с рассчитанной целью

произвести на них впечатление) бравирование смертельной опасностью, — все это должно было служить лишь прологом к какому-то сложному и огромному будущему... Его боялся и не любил также Александр III, который, во-первых, вообще страшился войн, а, во-вторых, после террористических покушений, ничего так не страшился, как военных переворотов. Боялся (и очень) Скобелева ближайший и довереннейший друг и советник царя Победоносцев... И чем больше восходила к зениту звезда Скобелева, тем подозрительнее, беспокойнее и боязливее делался по отношению к нему двор. Но и тем самостоятельнее чувствовал себя загадочный «белый генерал», вернувшийся в Европу после штурма Ахал-Теке, жаждавший новой войны, разрушавший свое здоровье оргиями, жегший свечу с двух сторон”.

Что ж, исчерпывающая характеристика человека, свято верящего в своё особое предназначение. Рискну не согласиться с выдающимся историком лишь в том, что Скобелев был совершенно беспринципен, что всё без исключения интересовало его только с точки зрения личного успеха. Не подтверждается фактами и то, что Александр II опасался Скобелева и оттирал его на задний план. Все материалы, с которыми я знакомился при написании этого очерка, говорят об обратном. Главное же в этой характеристике, то что у Скобелева действительно возникали мысли о своей особой судьбе — “мечтал не столько о Суворове, сколько о Наполеоне”, да и “верноподданности в нем не было никакой”. “Тварь я дрожащая или право имею”, - эта формула Достоевского, конечно была известна Михаилу Дмитриевичу (роман вышел в 1866 году). Однако предпринимал ли Скобелев какие-то шаги в этом направлении?

Известный философ и идеолог анархизма П. А. Кропоткин в своих воспоминаниях пишет: “Из посмертных бумаг Лорис-Меликова, часть которых обнародована в Лондоне другом покойного, видно, что, когда Александр III вступил на престол и не решился созвать земских выборов, Скобелев предлагал даже Лорис-Меликову и графу Игнатьеву... арестовать Александра III и заставить его подписать манифест о конституции. Как говорят, Игнатьев донес об этом царю и, таким образом, добился назначения министром внутренних дел”. М. Т. Лорис-Меликов, автор той самой Конституции, которая должна была быть подписана Александром II, но бомба, брошенная народовольцами, поставила крест на этом документе. Сын царя-реформатора не стал продолжателем дела своего отца. Лорис-Меликов рассказал юристу А. Ф. Кони о свидании с М. Д. Скобелевым, в котором последний призывал к решительным мерам и предлагал располагать собой в полной мере. “Все, что прикажете, я буду делать беспрекословно — горячился Скобелев - и пойду на все. Я не сдам корпуса, а там все млеют, смотря на меня, и пойдут за мной всюду. Я ему (*императору, В. Ф.*) устрою так, что если он приедет смотреть 4-й корпус, то на его „здорово, ребята“ будет ответом гробовое молчание. Я готов на всякие жертвы, располагайте мною, приказывайте”. Лорис-Меликов ответил, что все это вздор, что Скобелев “служит России, а не лицу, что он должен честно и прямодушно работать и что его способности и влияние еще понадобятся на нормальной службе”.

М. Т. Лорис-Меликов. Гравюра И. Матюшина, Ю. Барановского и Ф. Герасимова, с рис. П. Ф. Брожем. Санкт-Петербург, 1878

Таким образом “Белый генерал” действительно вынашивал планы насильственного принуждения Александра III пойти на реформы и ограничение самодержавия. Однако, по мнению историка Андрея Шолохова, он был не настолько близок с Лорис-Меликовым, чтобы до конца посвятить его в свои планы. Поведение Скобелева во время описываемого разговора, скорее всего, хорошо разыгранный спектакль, чтобы прощупать настроение либерального отставного министра. Скобелева по его мировоззрению смело можно отнести к демократам. О его отношении к самодержавию говорят слова, обращённые Михаилом Дмитриевичем генералу М. Л. Духонину, о чём последний рассказал в письме Немировичу-Данченко: “А внутри у нас! Что делается внутри – ведь это ужас! Мы еще отвоевываем независимость другим племенам, даруем им свободу – а сами? Разве вы и я – не рабы? Настоящие рабы, бесправные парии, бессильные, разобщенные, вечно подозреваемые...”. И вместе с передовыми людьми России “Белый генерал” мучительно искал выход из того тупика, в который зашло русское общество на переломе двух царствований. Какое же государственное устройство видел Михаил Дмитриевич в своих мечтах?

“Его идеалами, – считал В. И. Немирович-Данченко, – была великая, свободная, демократическая Россия, живущая сама всю полноту жизни и дающая возможность жить другим. Россия, свято блюдущая интересы связанных с нею племен. Россия, для которой нет эллина, нет иудея, где все равны и каждому, как бы он ни назывался, одинаково были бы открыты пути к счастью и вольному труду. Россия как мощное тело одноплеменное, одноязычное, окруженное автономиями, опирающимися на ее грозную врагам силу, свободно развивающимися племенами. Кто хочет – уходи и живи сам, кто хочет – будь с нами. Соединенные Штаты Восточной Европы и Сибири с самоуправляющимися в общем союзе Эстонией, Латвией, Литвою, Украиной, Кавказом. Польша – самостоятельная, но связанная с нами отсутствием таможенной границы. Вот к чему шел человек,

которого все знали, как гениального полководца и немногие – как политического вождя с определенной программой и точными масштабами для будущего”.

Для воплощения этой идеи Скобелеву необходимы были союзники. И он обращает своё внимание на революционеров. Хотя индивидуальный террор Михаил Дмитриевич отвергал начисто, общие революционные идеи были ему несомненно близки. Вероятно, Скобелев был знаком с текстом Письма Исполнительного Комитета «Народной воли» Александру III. Этот документ появился 11 марта 1881 года и поражал выдержанным тоном, разумностью и умеренностью требований. Требования, под которыми мог подписаться и Скобелев. Приводим его с сокращениями: “Ваше величество!

Вполне понимая то тягостное настроение, которое вы испытываете в настоящие минуты, Исполнительный Комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего объяснения выждать некоторое время...Мы не ставим вам условий... Мы не ставим, а только напоминаем их. Этих условий, по нашему мнению, два:

- 1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;
- 2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями....

Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно пред лицом родной страны и всего мира, что наша партия со своей стороны безусловно подчинится решению народного собрания, ... и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному народным собранием”.

Михаил Дмитриевич пытаясь найти связи с революционерами, вступил на скользкий путь, но к цели этой он шёл как в бою по-скобелевски. Находясь в Париже, он попытался встретиться с П. Л. Лавровым, виднейшим идеологом народничества, одним из руководителей революционной эмиграции.

Народоволец С. А. Иванов рассказывает: “В 1882 г. Скобелев предпринял путешествие по Европе... Вскоре по приезде Скобелева в Париж к П. Л. Лаврову явился спутник Скобелева, состоявший при нем в звании официального или частного адъютанта, и передал Лаврову следующее от имени своего патрона: генералу Скобелеву крайне нужно повидаться с Петром Лавровичем для переговоров о некоторых важных вопросах. Но ввиду служебного и общественного положения Скобелева, ему очень неудобно прибыть самолично к Лаврову. Это слишком афишировало бы их свидание, укрыть которое при подобной обстановке было бы очень трудно от многочисленных глаз, наблюдающих за ними обоими. Ввиду этого он просит Лаврова назначить ему свидание в укромном нейтральном месте, где они могли бы обсудить на свободе все, что имеет сказать ему Скобелев.

П. Л. Лавров. Фото неизвестного мастера.
Париж, 1870 г.

Петр Лаврович, этот крупный философский ум и теоретик революции, в делах практики и революционной политики оказывался часто настоящим ребенком. Он наотрез отказался от предлагавшегося ему свидания, и так как в ту минуту в Париже не оказалось никого из достаточно компетентных и осведомленных революционеров (народовольцев), которым он мог бы сообщить о полученном им предложении, – на этом и кончилось дело. Впоследствии, в 1885 г., мне пришлось говорить с Петром Лавровичем об этом инциденте и выразить сожаление, что Лавров отклонил подобное свидание и не использовал такой благоприятный случай.

– Да помилуйте, – воскликнул Лавров с искренним и неподдельным изумлением, – ну, о чем бы я стал говорить с генералом Скобелевым?

О том, что не произошло, можно, конечно, строить только более или менее вероятные догадки. Но, предположу, не пускаясь в область фантазии, что не для одного только личного знакомства искал Скобелев свидания с Лавровым”.

Действия генерала-бунтаря весьма тревожили императора и его ближайшее окружение. Мало им было революционеров, а тут появляется новая грозная сила. Популярность Скобелева в последние месяцы его жизни достигла невиданного масштаба. Если возвращение из Туркестана стало триумфальным шествием полководца, то встреча Скобелева с населением во время манёвров 4-го корпуса, стала поистине царской. По воспоминаниям современников, народ встречал “Белого генерала” хлебом-солью, а в Могилёве, где стояла 16-я дивизия, въезд командующего происходил при свете факелов, среди стоявших шпалерами войск. Выйдя из экипажа генерал с непокрытой головой шёл по улицам запруженной людьми. В Бобруйске на встречу вышло всё духовенство во главе с каноником Сенчиковским. Конечно, об этом сразу становилось известно в Зимнем дворце. Необходимо было принимать срочные меры.

Версия третья. По Высочайшему повелению (окончание)

Версию о том, что Скобелев был отравлен по приказу высшего руководства России, выдвинули значительно позднее. Вначале о ней заговорили за рубежом, а после февральской революции в открытую стали обсуждать и в России. Согласно ей, нити преступления вели если не напрямую к Александру III, то к его ближайшему окружению. Первым об этом заявил Вас. И. Немирович-Данченко, полагавший что Скобелев был убит тайной организацией русских радикальных монархистов, известной как «Священная дружина». Об этом же подробно рассказывал председатель I-й Государственной Думы С. А. Муромцев: «Правительство Александра III, уверившись в том, что М. Д. Скобелев замышляет сделать переворот и свергнуть династию Романовых, учредило под председательством великого князя Владимира Александровича особый негласный суд из сорока лиц. Этот суд «сорока» большинством тридцати трех голосов приговорил «белого генерала» к смертной казни и поручил полицейскому офицеру привести приговор в исполнение. Палач блестяще справился со своей задачей, за что получил следующий чин и большое денежное вознаграждение». К словам Сергея Андреевича следует отнестись со всей серьезностью, поскольку блестящий адвокат Муромцев, по отзывам современников «честный и нравственно щепетильный человек, ... всегда тщательно изучал материалы дела». Он отказывался от защиты, если у него появлялось сомнение в достоверности какого-либо из документов, хотя ему и предлагалось крупное вознаграждение.

Что же собой представляла эта таинственная организация под тенденциозным названием «Священная дружина?»

После убийства народовольцами Александра II правящую верхушку и царский двор охватил панический страх. С ужасом они ожидали новых покушений, справедливо полагая, что полиция не сможет защитить высокопоставленных особ от атак террористов. В связи с этим было решено создать тайную антитеррористическую организацию для борьбы с революционерами. Правда, методы, которым предполагалось осуществлять борьбу с террором, были точно такие же как и у народовольцев: выслеживать и физически устранять вождей и активных деятелей народовольческих организаций. Решили, как говорится, клин вышибать клином.

У истоков создания организации стоял С. Ю. Витте, в воспоминаниях которого читаем, что после убийства Александра II он отправляет письмо своему дяде, известному общественному деятелю генералу Р. А. Фадееву, в котором подаёт идею о создании «сообщества порядочных людей для охраны императора и борьбы с анархистами их же методами». Фадееву идея понравилась, и он через графа И. И. Воронцова-Дашкова передал письмо своего племянника царю, который проект одобрил. Непосредственными руководителями конспиративной организации придворной аристократии под названием «Святая дружина» в середине марта 1881 года стали граф П. П. Шувалов, граф И. И. Воронцов-Дашков, московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков, князь А. П. Щербатов, П. П. Демидов, известный более под именем князя Сан-Донато, министр государственных имуществ М. Н. Островский.

Руководители “Священной дружины”. Верхний ряд: Великий Князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор В. А. Долгорукий, генерал И. И. Воронцов-Дашков, Р. А. Фадеев. Нижний ряд: С. Ю. Витте, П. П. Демидов (Сан Донато), А. Г. Щербатов, министр государственных имуществ М. Н. Островский

В неё вошли и другие высокопоставленные лица, близкие ко двору, даже некоторые из великих князей. Для руководства черновой шпионской работой был приглашен бывший сотрудник III Отделения генерал В. Н. Смельский, оставивший интересный дневник. Тогда же в столице, в доме графа П. П. Шувалова, Витте принёс присягу в верности этому сообществу. Он был назначен главным правителем “дружины” в Киевском районе. По примеру масонских лож были придуманы шифры и тайные знаки, чтобы члены дружины могли распознать друг друга. Организация имела русскую и зарубежную агентуру, устраивала провокации, стремясь сбить с толку революционеров и посеять недоверие их друг к другу. По её распоряжению Витте, например, ездил в Париж для организации покушения на известного народовольца Л. Н. Гартмана, а также принимал участие в составлении некоторых изданий охранительного порядка. “Священная дружина” насчитывала 729 членов и имела ряд отделений в провинциях: Харькове, Киеве, Нижнем Новгороде и других городах.

В Женеве, якобы от имени народовольцев, издавались газеты “Правда” и “Вольное слово”, которые с целью дискредитации народовольческой программы договаривались до нелепостей и призывали к революционному террору не только в России, но и во всём мире. Среди русских либералов “Священная дружина” действовала от имени фиктивных организаций “Земский союз” и “Земская лига”. Остроумный М. Е. Салтыков-Щедрин осмеял это чудовищное явление в своём “Письме к тётьке” в журнале “Отечественные записки”. Д. А. Милютин, узнав о методах общества, возмутился: “Вот до чего дошло извращение нравов и понятий о чести в высших слоях петербургского общества”. А граф Игнатьев, скептически отнесясь к этой идее, дал им уничтожающую

характеристику:|”... Шувалов: он ретивый, но молод, неопытен... Сан-Дonato донельзя глуп, но все же лучше кн. Щербатова, заведомого вора”.

Характеристика оказалась удивительно точной. Щербатов, будучи допущенным к денежным средствам организации, проворовался, едва начав свою деятельность.

Именно эта организация стала инструментом для ликвидации опасного для власти генерала Скобелева. Правда, вначале и “Белому генералу” предложили вступить в “дружину”, но он наотрез отказался, заявив, по словам Немировича-Данченко: “Мы все приняли присягу на верность государю, и поэтому нет надобности вступать в тайное общество”.

Тем временем популярность Скобелева в армии и среди населения достигла невиданной высоты. Доходило до курьёзов. В мемуарах В. Ф. Духовской встречаем следующий эпизод: “В июле приехал государь с государыней, делая смотр войскам на Ходынском поле... После смотра государь пригласил всех начальников частей на завтрак в Петровский дворец. Весь двор дворца был запружен экипажами, многие из свиты государя заходили к нам, в том числе и Скобелев, который поцеловал мне руку, на что моя мама воскликнула: “Какая ты счастливая”, а другая восторженная дама стала осматривать мою руку, не оказалось ли на ней звезды после прикосновения губ героя”.

Скобелев становился не просто опасным для царского двора, а опасным смертельно. И решение было принято.

В романе Бориса Акунина “Смерть Ахиллеса”, сюжет которого опирается именно на эту версию, рассказывается, что план Скобелева (в романе он Соболев) становится известен царской семье:

“Сейчас Соболев проводит маневры, истинная цель которых – репетиция переворота. Затем он в сопровождении своих клевретов выедет в Москву, чтобы там, на отдалении от Петербурга, встретиться кое с кем из гвардейских генералов, заручиться их поддержкой и разработать окончательную диспозицию. Удар будет нанесен в первых числах июля, во время смотра в Царском Селе. Соболев намерен взять членов царского семейства под «временную опеку» – ради их же блага и во имя спасения отечества. ... Само отечество будет объявлено пребывающим в опасности, и в нем придется установить военную диктатуру. Есть серьезные основания полагать, что этот безумный прожект будет поддержан значительной частью армии, дворянства, купечества и даже крестьянства. Белый Генерал идеально подходит на роль спасителя отечества!”

На основании этой информации был созван тайный суд с участием высших сановников империи. За смертную казнь проголосовало большинство. Император приговор утвердил.

В романе роль палача была поручена не “Священной дружине”, а наёмному убийце, приглашённому из Европы.

Преждевременная смерть Скобелева потрясла Россию и вызвала всенародную скорбь. Все печатные органы откликнулись на это событие, поместив некрологи памяти народного героя. Пресса всех славянских стран напечатала исполненные неподдельного сочувствия соболезнования. Горе болгар, живших в Москве, описал Немирович-Данченко: “Мы потеряли в нем все... Болгария плачет

теперь, как осиротелая мать над единственным своим сыном”. Подобной же была реакция Сербии и Черногории.

Император направил соболезнование сестре Скобелева, Надежде, в котором говорилось: “Страшно поражён и огорчён внезапной смертью вашего брата. Потеря для русской армии трудно заменимая и, конечно, всеми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных и преданных своему делу деятелей”. Несколько холодноватая на мой взгляд. “Трудно заменимая” - то есть заменить всё-таки можно. “Сильно оплакиваемая” только военными, и то лишь истинными. “Грустно...” И только?

Широко комментировала смерть “Белого генерала” и зарубежная пресса, не скупясь на превосходные эпитеты.

Похороны Скобелева вылились в демонстрацию грандиозной народной скорби. Тело героя набальзамировали и положили в гроб в парадном генерал-адъютантском мундире.

М. Д. Скобелев на смертном одре. Рисунок Николая Чехова

От академии Генерального штаба к гробу был возложен венок с надписью: “Герою Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, полководцу, Суворову равному”. На двадцати семи подушках несли ордена и три Георгиевских креста. Для отдания воинских почестей были выделены наряды от полков, сражавшихся под командованием Скобелева. Прибыли делегации от войск 4-го корпуса, Московского военного округа, от Генерального штаба. В ночь на 28 июня, перед панихидой, в церкви перебивало около 60 тысяч человек. За гробом вели лошадь Скобелева. Дорогу от церкви до вокзала, откуда поезд должен был доставить тело генерала в родовое имение, усыпали лавровыми и дубовыми листьями. На привокзальной площади - море голов.

Этот день ярко описал А.И. Куприн: “Как Москва провожала его тело! Вся Москва! Этого невозможно описать. Вся Москва с утра на ногах. В домах остались лишь трехлетние дети и недужные старики. Ни певчих, ни погребального звона не было слышно за рыданиями. Все плакали: офицеры, солдаты, старики и дети, студенты, мужики, барышни, мясники, разносчики, извозчики, слуги и господа. Белого Генерала хоронит Москва! Москва ведь!”

Картину дополняет В. И. Немирович-Данченко: “Да, действительно, это народ хоронит, народ его оплакивает... Теперь только видно, как народ умел отличать и узнавать друзей своих, как за любовь

он платит любовью... Окна, балконы домов полным-полны... Мало, очень мало равнодушных лиц... Они теряются, их не видать совсем... Чуть не пол-Москвы мы прошли так – когда вдаль показались Красные ворота, а за ними церковь Трёх Святителей... Вся эта площадь залита сплошь толпой... Ей нет конца. ... В нашем поезде ехал Чарльз Марвин, корреспондент английских газет... Он был поражен... “Это и у нас было бы невозможно,” – повторял он.- И накануне кто бы поверил чему-нибудь подобному... В Рязани весь вокзал залит народом... Полиция усердно работает локтями и кулаками... Но это не мешает... Скоро местных держиморд куда-то оттеснили, и Скобелев был сплошь окружен народом... Сотни венков разорвали и бросали их людям, и те уносили их с собою как святыню. Новые венки приносили крестьяне и горожане. Были наиболее между ними из васильков, из ромашки... За Рязанью шел дождь, под дождем стояли всю ночь и мокли толпы в ожидании нашего поезда”.

На станции Раненбург (ныне г. Чаплыгин) поезд ждали крестьяне села Спасское, где находилось родовое имение покойного. У спуска на мост через реку они пожелали нести гроб на руках: “С этого места мы и отца его, и мать носили на руках”. 30 июня, под колокольный звон, гроб опустили в фамильный склеп у церкви. Над могилой был повешен боевой значок, сделанный В. В. Верещагиным, и сопровождавший “Белого генерала” в последнем походе. Всем, к каким бы слоям общества ни принадлежали люди, было понятно, что в лице Скобелева страна потеряла великого патриота. Даже в революционных кругах высказывались сожаления о его безвременной смерти. Известный публицист - народник Н. К. Михайловский выразил общее мнение: “Если нас когда-нибудь постигнет бедствие войны, мы с глубоким сожалением вспомним о Скобелеве”.

Итак, мы рассмотрели все версии гибели Белого генерала. Читателю выбрать какая из них наиболее близка к истине. Я же уверен, смерть Скобелева не была естественной.

За 135 лет, прошедших с момента трагедии в гостинице “Англия”, новых фактов, подтверждающих ту или иную версию, обнаружено не было. Но вопросы, на которые нет до сих пор ответа остались. Их обобщил историк В. К. Волков в статье “О смерти Скобелева”:

- 1) Кого опасался Скобелев, оставив 24 июня 1882 г. какие-то бумаги Аксакову со словами: “Боюсь, что у меня их украдут”?
- 2) Что это были за бумаги, кем они были украдены?
- 3) Зачем было профессору Боткину приезжать к мёртвому Скобелеву экстренным поездом из Петербурга; для чего он увёз внутренние органы покойного после анатомирования?
- 4) Куда исчез лакей Шарлотты Альтенроз, заявивший сразу после случившегося, что спросонья слышал “ спорившие голоса” из её номера?
- 5) Где архив Скобелева, находившийся в Минске, опечатанный, увезённый после его смерти в Петербург и до сих пор не обнаруженный?
- 6) Куда делся миллион рублей, приготовленный Скобелевым для каких-то целей?

История надёжно хранит свои секреты, и нам остается только теряться в догадках, что же на самом деле произошло 26 июня 1882 года в номере кокотки Ванды.

Эпилог

В 1912 году в Москве на Тверской площади, переименованной в Скобелевскую (ныне вновь Тверская), по проекту военного художника подполковника П. А. Самонова была воздвигнута конная статуя «Белого генерала». К сожалению, после Октябрьской революции, как и другие памятники царской России, монумент был снесён. Сейчас на этом месте стоит скульптура основателя Москвы Юрия Долгорукова. В 1907 году узбекский город Новый Маргилан, основанный Михаилом Дмитриевичем, был назван в его честь Скобелевым. Однако имя первого губернатора Ферганской области город носил только до 1924 года, а затем был переименован в Фергану.

В Болгарии памятники Скобелеву сохранились. Появились они и в современной России. В Москве, перед зданием Генерального штаба, возвышается фигура «Белого генерала» на вздыбленном коне, а в Рязани установлен бюст героя.

Памятники М. Д. Скобелеву в Москве (2014 г.) и Рязани (2007 г.)

Закончить рассказ я хочу словами сподвижника Михаила Дмитриевича по русско-турецкой войне генерала Д. Г. Анучина: «Скобелевская легенда сделается достоянием истории русского народа и будет передаваться из поколения в поколение почитателями русской доблести и отваги. С течением времени все мелочи, так сказать житейское, отпадет, и легенда будет славить русского чудо-богатыря как нечто идеальное».

И это пророчество сбывается.

Источники

1. *Кизеветтер А. А. Сергей Андреевич Муромцев. М., 1918*
2. *Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. М., 1994*
3. *В. И. Немирович-Данченко. Скобелев. Изд. Православная литература, 2017*
4. *Филиппов М. М. М. Д. Скобелев. СПб, 1894*
5. *Милютин Д. А. Дневник. Т. 4., 1881–1882 гг. М., 1950*
6. *Борис Акунин. Смерть Ахиллеса. Изд. «Захаров», 2001*

7. А. И. Куприн. *Избранные сочинения*. М.: «Художественная литература», 1985
8. В. И. Гусаров. *Генерал М. Д. Скобелев. Легендарная слава и несбывшиеся надежды*. М; Центрполиграф, 2003
9. Вилинбахов В.Б. *Генерал «от пронунсименто» // Прометей*. М., 1969. Т. 7
10. Милютин Д. А. *Дневник*. Т. 4., 1881–1882 гг. М., 1950.
11. Тарле Е. В. *Речь генерала Скобелева в Париже в 1882 г. // Тарле Е. В. Собр. соч. Т. 11*. М., 1962.
12. Н. Е. Врангель. *Воспоминания. От крепостного права до большевиков*. М.: Новое литературное обозрение, 2003
13. Кротошкин П. А. *Записки революционера*. – М., 1990. – С. 411.
14. Кони А. Ф. *На жизненном пути*. Ревель – Берлин, 1922.
15. О. А. Милевский. *Михаил Дмитриевич Скобелев и «Народная воля»*. Материалы международной научно-практической конференции «М.Д. Скобелев: история и современность». Рязань, 27–28 сентября 2013 г.
16. Иванов С. А. *К характеристике общественных настроений в России в начале 80-х годов*. “Былое”. 1907, №9/21
17. Верещагин В. В. *Воспоминания о М. Д. Скобелеве*. Русская старина. 1889. № 5.
18. В. И. Гусаров. *Генерал М. Д. Скобелев. Легендарная слава и несбывшиеся надежды*. М; Центрполиграф, 2003
19. С. Мельгунов, Н. Сидоров. *Масоны. История, идеология, тайный культ*. Вече, 2005
20. Адам Ж. (Жюльета Ламбер). *Генерал Скобелев: воспоминания г-жи Адам*. СПб., 1886.
21. К. П. Победоносцев и его корреспонденты: *письма и записки*. – М. – Л., 1923.
22. В. И. Немирович-Данченко. *Скобелев*. Изд. Православная литература, 2017
23. Филиппов М.М. *М.Д. Скобелев*. СПб, 1894.
24. «*Со Скобелевым в огне (Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов и о М.Д. Скобелеве его ординарца Петра Дукмасова)*», СПб, 1895 г.
25. В. И. Гусаров. *Генерал М. Д. Скобелев. Легендарная слава и несбывшиеся надежды*. М; Центрполиграф, 2003
26. А. Корольченко. *Генерал Скобелев*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997
27. А. И. Куприн. *Избранные сочинения*. М.: «Художественная литература», 1985.
28. В. И. Немирович-Данченко. *Скобелев. Личные воспоминания*. М., Воениздат, 1993
29. Н. Н. Кнорринг. *Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Исторический этюд*. Париж, 1940;
30. Филиппов М.М. *М.Д. Скобелев*. СПб, 1894.
31. Струсевич А. *Один из богатырей XIX века*. Остров, 1899.
32. Э. В. Эрк. “*Воспоминания о службе в лейб-гвардии Семеновском полку; о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., русско-японской войне 1904–1905 гг. и о Первой мировой войне*”. Рукопись. (ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 32–34)
33. В. И. Немирович-Данченко. *Скобелев*. Изд. Православная литература, 2017
34. В. И. Гусаров. *Генерал М. Д. Скобелев. Легендарная слава и несбывшиеся надежды*. М; Центрполиграф, 2003
35. Владимир Гиляровский. *Мои скитания*. Изд. “Азбука”, 2015
36. В. И. Немирович-Данченко. *Скобелев*. Изд. Православная литература, 2017
37. Оболенский Д. Д. *Наброски из прошлого. Исторический вестник*. № 1, 1895 г.
38. Милютин Д. А. *Дневники. 1878-1880. Т.3. Отдел рукописей Библиотеки им. Ленина*, М. 1950 .

Криминальные истории XIX века

История первая Выстрелы в Бухаре

Каршинские ворота Бухары. Старинная открытка.

Увы, не было своего Шекспира в благословенной Бухаре, чтобы живописать дворцовые интриги, перевороты, таинственные убийства и казни, происходившие в этом государстве на всём протяжении его существования.

История, о которой пойдёт речь в этом повествовании, произошла очень, очень давно, весной 1888 года.

Во второй половине XIX века в Бухарском эмирате господствующее положение занимала родственная партия сановников персидского происхождения, состоящая из кушбеги (визирь, высший сановник) Муллы-Мехмет-Бия, его сына – диван-беги (первый министр) и главного зякетчи (министр финансов), - Мухамеда-Шарифа, и внука – Чарджуйского бека Астанкул-инака (полковника). Эта весьма влиятельная партия пользовалась безграничным доверием у молодого эмира Сеид-Абдул-Ахат-хана, который испытывал к её главе особую благодарность за верное служение бухарским правителям мангытской династии.

В 1820 году, ещё мальчиком, Мулла-Мехмет-Бий был захвачен туркменами из персидского селения Караи, близ Мешхеда и отвезён на бухарский невольничий рынок. Здесь он был куплен за несколько червонцев первым министром Бухары Хакимом-кушбеги. Этот человек, ярко олицетворяющий собой вероломный, коварный тип феодального царедворца сыграл настолько значительную роль в истории эмирата, что следует рассказать о нём несколько подробней.

Хахим-кушбеги своей карьерой и благосостоянием был обязан эмиру Хайдар-хану. В благодарность за это, он, – опять вспоминается Шекспир, - травит ядом своего благодетеля и пытается посадить на освободившийся трон Насруллу-хана, второго сына покойного эмира. Интрига не удалась – эмиром становится, как и положено, старший сын Хуссейн. Через несколько месяцев от яда, который ему подсыпал неутомимый кушбеги, умирает и он, перед смертью назначивший своим преемником младшего брата Умар-хана. Хахим даёт клятву верности последнему, но вскоре предаёт и его, посодействовав воцарению на бухарском троне Насруллы Багадур-хана. Через десять лет эмир сполна расплатится с Хахимом-кушбеги, конфисковав всё его богатство, а самого отправил в тюрьму, где того тихо прирезали в 1840 году. А мальчик-перс, который к тому времени превратился во взрослого мужчину, перешёл к новому хозяину - наследнику трона Сеид-Музаффар-Эддину.

Вскоре будущий эмир обращает внимание на выдающиеся способности Мехмед-бия и, став, после смерти отца, правителем Бухары, последовательно назначает талантливого слугу миршабом (полицейским чиновником), мирабом (управляющим ирригацией) и серкердом (батальонным командиром).

Как военачальник Мехмед-бий участвовал в сражениях с русскими войсками в Джизаке, Самарканде и Зерабулаке. После подписания мирного договора с Россией он был назначен беком Шахриязбса – бекства возвращённого Бухаре русским генералом Абрамовым. Как правитель области Мехмед-бий зарекомендовал себя деятельным и энергичным администратором и в 1870 году занял пост первого министра. Преданно служа на протяжении почти 20 лет двум эмирам, он снискал их абсолютное доверие. Любил его и простой народ, в отличии от придворных чиновников, считавших его чужаком. Состарившись он отходит от дел, а место первого министра переходит к его сыну.

Мухамед-Шариф-диван-беги, также зарекомендовал себя как талантливый чиновник и преданный слуга. Между прочим, эмир Сеид-Абдул-Ахат-хан, своему царствованию во многом был обязан именно Мухамед-Шарифу. Когда скончался Музафар-хан, Мухамед Шариф, запер в комнате, где лежал покойник, всех слуг, которые об этом знали и послал двух верных людей к наследнику в Кермине, - где тогда правил наследник бухарского трона, - прося того немедленно приехать в Бухару и, во избежание случайностей, провозгласить себя эмиром. Получив это известие Сеид-Абдул-Ахат без промедления отправился в путь, сопровождаемый несколькими джигитами. По дороге он встретил генерала М. Н. Анненкова, который в то время строил железную дорогу из Ашхабада в Самарканд и уговорил русского генерала поехать с ним в Бухару. Анненков согласился, и наследник въехал в Бухару, как бы под покровительством русских властей. Собрав в Бухаре всех почётных жителей и духовенство Сеид-Абдул-Ахат объявил себя эмиром. Всё прошло, таким образом, без волнений и неизбежных в таких случаях на Востоке семейных распрях. Случилось это событие 4-го ноября 1885 года. После этого Мухамед-Шариф стал ближайшим советником молодого эмира-реформатора и занял пост, ушедшего на покой отца.

Ну, и, наконец, младшим представителем этой выдающейся династии являлся сын Мухамед-Шарифа, чарджуйский правитель Астанакул – парваначи. Красивый, умный молодой бек

пограничного с Россией владениями Чарджуйского округа оказал значительные услуги русскому правительству при постройке Закаспийской железной дороги, за что был награждён орденом св. Анны 2-й степени.

Мулла-Мехмед-Бей.

Мухамед-Шариф-диван-бег.

Астанакул-парваначи.

Мулла-Мехмед-Бей, Мухамед-Шариф-диван-бег и Астанакул-парваначи. Рисунок и фотографии из журнала "Исторический вестник", 1898 г.

Таковы были обстоятельства, сложившиеся к 1888 году, - году, когда случилась эта трагическая история.

В то время жил в Бухаре некий Гаиб-Назар, афганец по происхождению. Когда-то при правлении эмира Музаффара, он занимал должность сборщика податей в Кермине, где правил сын эмира Абдул-Ахат. Вскоре после смерти Музаффара, новый эмир уволил Гаиб-Назара за банальное воровство – тот присваивал себе часть налогов. Подозревая в своём отлучении от должности Мухамед-Шарифа, проворовавшийся чиновник затаил на того смертельную обиду. Поселившись в своём доме в Бухаре он только и думал о том, как бы отомстить своему обидчику.

Весной 1888 года Эмир отправился в поездку по своим владениям. В городе Шахризязбе, брат Гаиб-Назара, Хайд-караул-бег, служивший в бухарском войске, поднёс эмиру донос на Мухамед-Шарифа и некоторых сановников. Донос на верного слугу правителя Бухары произвёл прямо противоположный эффект. Абдул-Ахат-хан, догадываясь о его подоплеке, приказал арестовать Гаиб-Назара и конфисковать всё его имущество. Причём, исполнение приказа он возложил на первого министра.

Ранним утром 21-го марта 1888 года, Мухамед-Шариф, в сопровождении двух стражников, прибыл в дом Гаиб-Назара. Войдя в помещение, он передал хозяину дома фирман об аресте и конфискации, попытавшись при этом как-то утешить арестованного, пообещав за него похлопать перед эмиром. Молча выслушав всё это Гаиб-Назар сказал, что в женской половине, куда посторонним вход воспрещён, находятся ценные вещи, которые он сейчас вынесет для описи. Оттуда он вернулся с револьвером в руках, и с криком "шиитская собака, предатель", два раза выстрелил в Мухамед-Шарифа. Смертельно раненый министр, тем не менее, бросился на Гаиб-Назара,

попытавшись отобрать у него оружие. Завязалась борьба. Стражники, опомнившись схватили и связали преступника. Умирающего Мухамед-Шарифа положили на арбу и отвезли домой. Генерал Анненков, который в это время находился в Бухаре по делам, связанным со строительством дороги, узнав о происшествии немедленно прислал раненому доктора Гейфельдера. Однако, раны были смертельные и несмотря на все усилия русского врача, Мухамед-Шариф скончался.

Смерть этого выдающегося человека болью отозвалась не только в сердцах эмира и его подданных, но чрезвычайно огорчила туркестанские власти. Россия в лице покойного потеряла искреннего и верного друга.

Узнав о кончине своего диван-беги, эмир написал безутешному отцу Мехмед-бию сочувственное письмо в котором отметил, что никогда не смотрел на своего первого министра как на слугу, а только как на старшего брата и что теперь сделает всё, чтобы заменить ему сына.

ЭМИРЪ БУХАРСКІЙ
МИРЪ-СЕЙДЪ-АБДУЛЪ-АХАДЪ.

Фотография из журнала "Исторический вестник", №11, 1913 г.

Убитый горем отец, ненадолго пережил эту трагедию, 10 ноября 1889 года он скончался на 81-м году жизни. Сын, погибшего от руки убийцы первого министра, занял пост своего отца. Что касается убийцы, судьба его была ужасна. Эмир мог отрубить преступнику голову, мог сбросить с минарета, как это не раз делали его отец и дед, но он, очевидно, не хотел омрачать своего правления кровавым приговором и поступил в соответствии с мусульманским правом – отдал убийцу родственникам убитого. Результат получился ещё более ужасающим. Несчастного привязали к хвосту лошади (согласно другим источникам это был осёл) и при огромном стечении толпы протащили по улицам,

площадям и базарам Бухары. Затем ему раздробили кисти рук и ступни ног и ещё живого бросили за городские ворота в месте, где сбрасывали нечистоты, на съедение бродячим собакам.

Так закончилась эта кровавая история достойная шекспировского пера.

История вторая

Смерть контрабандиста

Мои́ла казнённого Камчибека и место погребения его матери. Фото из журнала "Исторический вестник" №12, 1907 г.

В октябре 1893 года в Гульчинской волости Ошского уезда пропал таможенный разъезд. Сразу четыре человека – запасной унтер-офицер Боровков и три киргиза-стражника выехав на патрулирование приграничной зоны исчезли, словно растворились в воздухе. Это вызвало немалое беспокойство как у администрации Ферганской области так и у недавно назначенного управляющим Ошского уезда подполковника Бронислава Громбчевского. Несмотря на многодневные поиски и расспросы местного населения пропавших найти не удалось.

Прошло уже довольно много времени, когда совершенно случайно участковый пристав наткнулся на сожженный труп лошади, а под скалой, заваленные камнями трупы пропавших. Началось следствие, которое вскрыло страшное преступление. В тот злополучный день таможенники объезжая линию возле перевала Белеули встретили караван вёзший контрабанду из Кашмира: чай, ткани, кораллы и индийскую коноплю.

Осмотрев груз, Боровков приказал караванщику и его людям следовать за собой к таможенному пункту, однако контрабандисты решили договориться по тихому и предложили унтер-офицеру взятку, однако тот отказался и попытался силой заставить нарушителей подчиниться. Произошла схватка, и, поскольку по какой-то непонятной причине револьверы стражей границы оказались не заряжены, контрабандисты одержали верх. Связав таможенников они послали одного из сообщников к своему главарю Камчибеку Алимбекову, ожидавшему караван в своём ауле. Кроме занятия тайным контрабандным промыслом человек этот официально занимал пост начальника волости. Коррупция, как видите, существовала и в то время. К несчастью, Камчибека не было дома и на место происшествия приехал его 12-летний сын Арслан-бек. Приказав крепче связать захваченных в плен и отвезти их в аул, он уехал.

Связывая Боровкова, один из киргизов веревкой содрал с его руки кожу, потекла кровь. Заметив это, тот крикнул:

- Кровью за кровь ответите, опомнитесь пока не поздно.

Услышав это, негодяи перепугались, поскольку по их законам действительно пролитая кровь требует отмщения кровью, и решили сжечь за собой все мосты.

Несчастные таможенники были по очереди задушены. Причём, Боровкова эта участь постигла последним и ему пришлось увидеть как умирали его товарищи. Трупы преступники спрятали под скалой и завалили камнями, лошадей частью съели, а частью сожгли. Когда, наконец вернулся Камчибек, то исправить ничего уже было нельзя. Узнали об этом и братья Камчибека, - Махмуд-бек и Мирза-Паяс, также волостные начальники. Узнали и страшно перепугавшись, приказали всем своим соплеменникам молчать о страшном деле. Но, как видим, скрыть все следы не удалось, трупы были найдены, а преступники арестованы.

Дело это вызвало широкую огласку. Со времён военных действий в 1876 году не было случаев нападения на представителей власти, тем более законившегося групповым убийством. Но ещё более широкий резонанс дело получило, когда были названы имена главных преступников. Ими оказались сыновья, племянник и внук Курманжан – датки - “Алайской царицы”. И прежде чем продолжить наше повествование, расскажем немного об этой легендарной женщине.

Курманжан родилась в 1811 году в семье простого кочевника из рода Мунгуш. Когда ей исполнилось 17 лет её выдали замуж за человека намного старше. Увидев жениха впервые только на свадьбе, сильная и своенравная девушка вопреки обычаям отказалась уезжать к мужу. Три года она прожила у родителей, лишь номинально считаясь замужней женщиной. В 1831 году правителю алайских киргизов Алимбеку понравилась умная, красивая и энергичная Курманжан, и он решил к ней посвататься. Но в ответ услышал: "Пока меня не освободят от брачных уз по законам шариата, не то что вы, даже Кокандский хан не может на мне жениться!". Через год настойчивый претендент, добившись расторжения брачного соглашения, всё таки стал её мужем.

Курманджан-датка, портрет неизвестного художника, 1908 г. и Б. Л. Громчевский, начальник Ошского уезда (1893 – 1895) фотопортрет из коллекции Библиотеки Русского географического общества

Алимбек, дослужился до должности визиря при Кокандском хане и во время его частого отсутствия Курманжан становилась фактической правительницей Алая. В 1862 году правитель алайских киргизов погибает от рук заговорщиков, и его вдова полностью берёт бразды правления родом в свои руки.

Правившему в то время Кокандским ханством Худояр-хану, весьма не нравилась независимая политика которую проводила правительница алайских киргизов, однако, когда он попытался обложить алайцев податью, то встретил такое упорное сопротивление, что вынужден был отступить. Признал Курманжан и бухарский эмир Музаффар. Ей было присвоено звание датки «с надлежащим ярлыком и подарками». Титул “датка” появился в XVIII веке в среднеазиатских ханствах и произошёл он от персидского слова «додхох», что значит «справедливый». Обычно звание это давалось специальной “фетфой” (указом) Шейх уль-Ислама Бухары (высшее исламское духовенство Центральной Азии). Курманжан стала первой женщиной получившей этот титул и единственной женщиной, удостоившейся торжественного приёма во дворце бухарского эмира.

Правила Алайская царица мудро и справедливо, успешно регулируя родовые споры своих подданных.

Прекрасно понимая значение Великого Шёлкового пути она ввела плату за безопасный проход торговых караванов, проходивших по её территории. В своей власти она опиралась на сыновей – Абдуллабека, Махмудбека, Камчибека и Хасанбека, а также племянника Мирзу. Каждый из них управлял частью киргизских кочевий на Алае.

Когда в Коканде вспыхнуло восстание против Худояр-хана, Курманжан выступила на стороне мятежников, а её старший сын Абдуллабек стал ближайшим сподвижником Пулат-бека – жестокого предводителя восставших. После подавления мятежа и ликвидации Кокандского ханства перед Курманжан встал вопрос об отношении к новым русским властям. В её окружении не было единой позиции по этому вопросу. Племянник Мирза-Паяз предлагал заключить мирное соглашение с

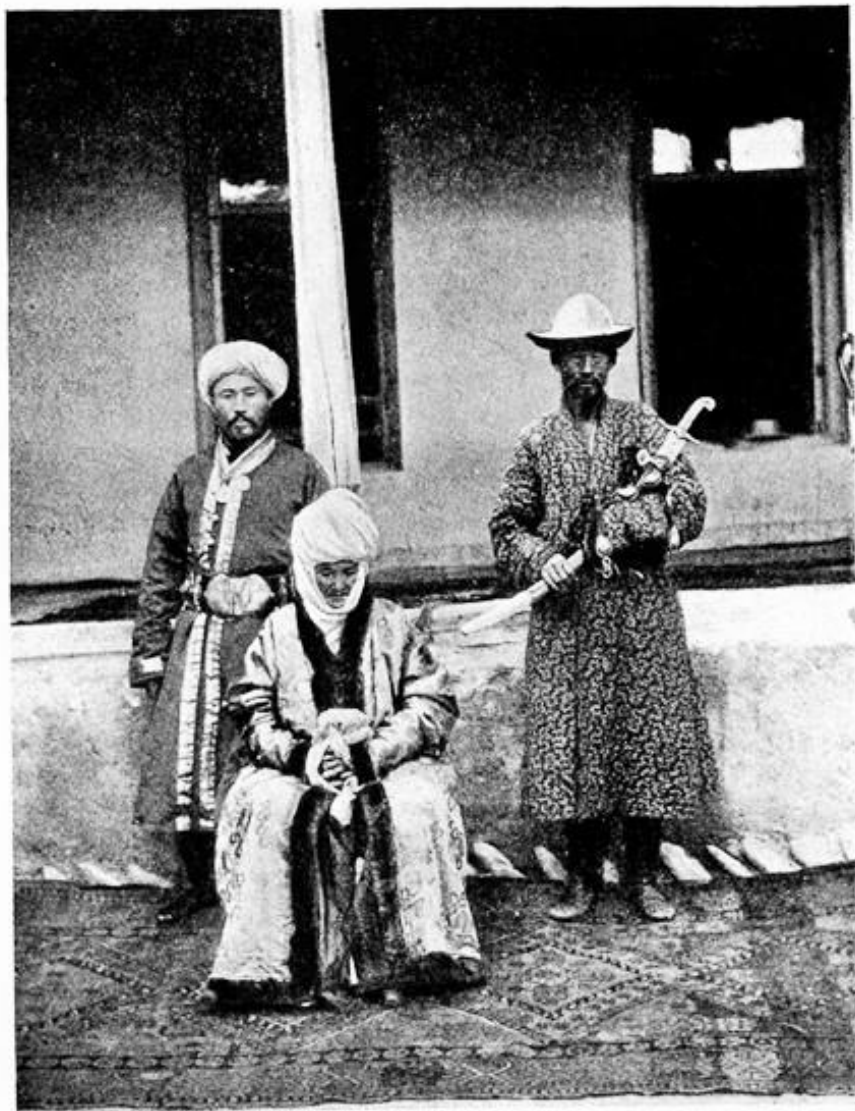
Кауфманом, ее сын Абдуллабек, напротив, выступал за продолжение борьбы с “кяфирами”. Его поддержали многие беженцы из Ферганы. Сама Курманжан думала о переселении к границе с Кашгаром, подальше от российских военных сил.

В апреле 1876 года Абдуллабек собрав полуторатысячное войско засел в местечке Янги-Арык, в высоких горах, но вскоре был разбит отрядом Скобелева и бежал в Афганистан.

Когда известие о поражении и бегстве сына дошли до царицы Алая, она со всем своим имуществом попыталась уйти в Кашгар, во владения Якуб-бека. Попытка не удалась. На границе ее ограбили кашгарцы и Курманжан вместе с сыном Камчибеком и племянником Мирза-Паязом была вынуждена вернуться назад. 29 июля 1876 года под местечком Бордаба на беглецов случайно вышли казаки из отряда князя Витгенштейна. Курманжан была пленена и доставлена к военному губернатору Ферганской области. Скобелев встретил алайскую правительницу со всеми полагающимися ей почестями. Угостив, по восточному обычаю сладостями, надел на неё парчовый халат. Отметив её огромное влияние на киргизов Алая, попросил её убедить их склониться на требования России. Её сыновьям он обещал полную безопасность, если они вернуться в Алай к мирной деятельности. Курманжан, поняв бесполезность дальнейшего кровопролития, согласилась на все предложения. По всему Алаю разослала она приказ, чтобы “храбрые батыри, взявшиеся за оружие, совершенно спокойно возвращались в свои аулы”. Три сына, Махмудбек, Хасанбек и Камчибек послушались своей матери и вернулись на родину, Абдуллабек же не захотел подчиниться неверным. Из Памира он пробрался в Афганистан, оттуда ушёл паломником в Мекку, но по дороге заболел и умер.

Территория Алая «с 17380 семействами» была присоединена к России. На ней были образованы три волости: Гульчинская, Ак-Буринская и Ноокатская, которые вошли в состав Ошского уезда. Управляли ими сыновья Курманжан. Алайская царица была верна своему слову и верно служила русской власти. В одном из писем своему другу полковнику (впоследствии генералу) М. Е. Ионову она писала: «Когда Ферганское мусульманское государство не признавало еще Россию, я воевала и спорила с Вами... В это мирное время я заявляю: весь мой народ, я сама и мои родные никогда не выступим против Вас. От нас никакой неприятности не будет. Если мой народ сделает плохо и станет изменником, тогда накажу виновного самой тяжкой мерой, буду вечно мучиться до конца дней своих».

Много воды утекло с Памирских ледников с тех пор как стал Алай частью Российской империи, спокойно жило его население занимаясь мирным трудом. Свято хранила обещание Курманжан, отдавая бразды правления своим сыновьям. Все они были назначены волостными управителями. Много медалей и почетных халатов было у них, и радовалась престарелая датха за своих сыновей. Лишь один Камчибек вызывал тревогу. Неправедным делом занимался он, сосредоточив в своих руках всю контрабанду через границу с Кашгаром. Давно подозревала его в этом русская администрация, да поймать не могла – хитёр и увёртлив был сын Курманжан. Но, как говорится, сколько верёвочке не виться, а сплетётся она в петлю.

Курбань-Джань-датха съ сыномъ Хасань-бекомъ. Слуга держитъ родовую шашку, пожалованную ханомъ.

Фото из журнала Исторический вестник №12, 1907 г.

Почти два года длилось следствие и всё это время в областной тюрьме Нового Маргелана (ныне Фергана) в одиночных камерах ждали своей участи двадцать один человек обвиняемых в убийстве таможенников и его сокрытии. Не могло смириться сердце матери с тем, что не увидит она больше своих сыновей, не верило оно, что сыновья ее виновны в этом преступлении. И поехала она к военному губернатору Ферганской области Повало-Швуйковскому хлопотать о своей кровинушке. Но не принял её губернатор, лишь разрешил свидание с арестантами. Поддерживаемая под руки двумя слугами, вошла царица Алая в тюрьму и горько заплакала при виде детей своих в арестантских одеждах. Не думала она дожить до такого позора.

Наконец следствие закончилось и обвиняемых по решению Туркестанского генерал-губернатора предали военно-полевому суду, поскольку преступление было совершенно против лиц при исполнении ими служебных обязанностей. Целую неделю, с 3-го по 10-е февраля 1895 года шёл суд, закончившийся суровым приговором: 9 человек - к смертной казни, среди них Камчибек с сыном

Арсланом, 6 человек – на каторжные работы, в их числе дети Курманжан – Махмудбек, Хасанбек и племянник Мирза-Паяз, остальные оправданы.

Страшное отчаяние охватило Курманжан. Вновь поехала она к губернатору, валялась у него в ногах, просила, умоляла. Но всё теперь зависело только от начальника края барона Вревского. И Александр Борисович приговор военного суда несколько смягчил. Смертная казнь была оставлена только для двух человек – Камчибека и непосредственного убийцы Мамон Палвана. Остальным казнь заменена каторгой, Махмудбек, Мирза-Паяз и Арсланбек приговорены к ссылке в Сибирь.

После того как стало известно, что казни двум преступникам не миновать и время её уже назначено, некоторые горячие головы из киргизов решили силой отбить своих соплеменников. Но прежде, чем напасть на конвой во время исполнения приговора, пришли они к Курманжан, чтобы получить её благословение. Но запретила им датка сказав: “Горько осознавать, что уйдет в мир иной мой младший, но я никогда не перенесу того, что из-за моего сына погибнет мой народ. Не будет мне тогда ни на том, ни на этом свете оправдания”.

Махмудь-бекъ у входа въ юрту своей матери, Курбань-Джань-даткя.
Фото из журнала Исторический вестник №12, 1907 г.

Ровно 125 лет назад, 3(16) марта 1895 года, на главной площади города Ош, при огромном стечении народа, смертный приговор был приведён в исполнение. В присутствии военного губернатора Повало-Швыйковского и начальника уезда Громбчевского, осуждённых подвели к виселице. Достоинно встретил смерть Камчибек. Со спокойным лицом подняв голову к небу прочёл он молитву и шагнул навстречу палачу. Совсем не так повёл себя его товарищ по смерти Палван упав на колени, он слёзно стал просить о помиловании. Тщетно. На головы осуждённых надели мешки, накинули петли и под грохот барабанов, палач выбил скамью из под ног несчастных.

После этого влиятельные друзья Курманжан, прежде всего генерал Ионов, неустанно хлопотали за её сосланных детей. И эти хлопоты увенчались успехом. Через два года, после казни,

Махмудбек вместе с Мирзой-Паязом и Арсланбеком были возвращены из Сибири на родину, в свои родные аулы.

Это хоть как-то утешило убитую горем мать.

Так закончилась эта история о преступлении и наказании. После смерти Камчибека Курманжан прожила ещё 12 лет.

В 1902 году в селение Мады, где она проживала, прибыл Ошский уездный начальник, полковник Зайцев и вручил ей личный подарок императора Николая II - золотые дамские часы с изображением государственного герба империи, украшенные бриллиантами и розами, с цепочкой и брошью.

Слева направо: французский археолог Поль Пеллио, Курманжан датка, её внук Арсланбек и Карл Маннергейм. Оригинал снимка находится в фотографической коллекции Маннергейма в Хельсинки.

А через четыре года после вручения императорского презента Алайскую царицу посетил полковник Карл Маннергейм, по заданию генерального штаба совершавший путешествие по Азии.

Будущий президент Финляндии застал её в глубокой старости окружённой искренней любовью и всенародным почитанием. К тому моменту она вела отшельнический образ жизни и несмотря на возраст, а ей было уже 96 лет, к удивлению русского путешественника, могла самостоятельно оседлать лошадь. А через полгода Алайской царицы не стало. Похоронили её рядом с любимым сыном Камчибеком.

Дела давно минувших дней.

Преданья старины глубокой,

Источники:

1. Б. Л. Тагеев. «Русские над Индией» (Воениздат, 1998). Глава IV «Ольгин луг. Киргизская тамаша»

2. Ювачев И. П. Курбан-Джан-Датха, кара-киргизская царица Алая. // Исторический вестник. № 12, 1907 г.
3. Басханов М. К. и др. Дервиш Гиндукуша путевые дневники центральноазиатских экспедиций генерала Б. Л. Громбчевского. Нестор-История, 2015.